

Алина и Егор
Смирновы

Мы всего лишь
ОСКОЛКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Осколки

Алина Смирнова

Мы всего лишь осколки

«Автор»

2025

Смирнова А.

Мы всего лишь осколки / А. Смирнова — «Автор»,
2025 — (Осколки)

Мне восемнадцать. И вместо взрослой жизни я получаю повестку — четыре месяца обучения и два года службы на войне, которая длится уже пятнадцать лет. Я не солдат. Я просто хочу выжить и вернуться к семье, но подземная база, прозванная «муравейником», быстро учит: здесь слабых ломают. Я попала в мир, где каждый шаг оценивается баллами, где наказания жестоки, а место каждого predetermined. И именно здесь я встречаю его — Костю. Командир группы спецназначения. Жёсткий, холодный, уверенный, что чувства — балласт, а доверие убивает быстрее пули. Он верит только в долг. Я — в любовь. Мы такие разные, но именно рядом с ним я начинаю понимать, за что стоит бороться на самом деле. И если я хочу дожить до распределения, мне придётся понять главное: здесь самое сложное не быть сильной, а остаться собой.

Содержание

ЧАСТЬ 1: ДОМ Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	40
ЧАСТЬ 2: ТАМ. Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мы всего лишь осколки

ЧАСТЬ 1: ДОМ Глава 1

Дисклеймер 18+

В книге присутствуют откровенные сцены, ненормативная лексика, сцены насилия и травм, а также эпизоды употребления алкоголя, упоминания сигарет и наркотических веществ. Автор не пропагандирует подобные действия и не призывает к ним.

История является художественным вымыслом и не предназначена для подражания. Автор не ставит целью романтизировать насилие или деструктивное поведение, а лишь показывает события такими, какими они являются.

Поступки и поведение героев могут не соответствовать вашим ожиданиям или моральным нормам. Все персонажи и события вымышлены, а любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны.

Подписывайтесь на Telegram канал https://t.me/alinasmirnova_oskolki , посвящённый книге. В сообществе публикую новости, анонсы новых глав, дополнительные материалы и обсуждения.

Я уверенно тяну за руку Машутку, и она послушно семенит ножками за мной. Знаю, она еще маленькая, и поездки в центр для нее утомительны, но за ее ангельски голубые глаза мы получим приличную горсть монет от наших покупательниц, а деньги, как известно, никогда не бывают лишними.

Я поудобнее перехватываю тяжелую корзинку и грозно смотрю на нищенку со свертком, похожим на ребенка, в руках, которая буквально бросается к нам в ноги, выпрашивая милостыню. Топаю ногой, прогоняя женщину, как собаку, и та в миг отскакивает и уже высматривает следующего прохожего.

– Почему ты не дала ей даже монетки?

– Нужны деньги – пусть работает, – отвечаю я.

– У нее же младенец, куда же она пойдет работать?

Я хмыкаю и точно знаю, что на это ответить.

– Я ношу товары сюда уже третий год, и знаешь что?

– Что? – глаза Машутки становятся больше от любопытства.

– Она стоит тут все время и всегда со свертком. Как думаешь, ее малыш совсем не растет? Машутка задумывается всего на секунду, а затем ее лицо озаряется пониманием:

– Его там нет!

– Правильно, – хвалю я и добавляю, – деньги нам и самим нужны.

Маша снова кивает и дальше молчит. Мы доходим до нужного жилого комплекса, и я нажимаю номер на домофоне. Калитка тут же открывается, нас ждали.

Заходим во двор и будто попадаем в другой мир. Дорожки аккуратны и чисты, уложены плиткой, а не разбитым асфальтом, как на улице. Газон стрижен и зелен, а деревья не попилены на дрова, как в большей части города, и дают такую нужную, спасительную тень и прохладу.

Здесь живут те, кто смог сделать деньги на этой треклятой войне. Но я их не виню, и не мне их судить. Скажу лишь спасибо за то, что они есть: на нищих мне не заработать.

Мы идем к десятиэтажному центральному зданию, отделанному мраморной плиткой. Дверь нам услужливо открывает молодой консьерж, и мы обмениваемся ничего не значащими фразами: "Привет", "Как дела?", "Жарко сегодня", и он провожает нас к лифтам. Вообще-то это не входит в его обязанности, но я ему нравлюсь, и это не голословное заявление: он уже не раз звал меня на свидание, но мне не до развлечений. Вот и сейчас боюсь, что он предпримет такую попытку. К счастью, телефон на его стойке звонит, и он бежит отвечать, а мы с Машуткой заходим в лифт. Машутка сразу же бросается к зеркалу и встает на цыпочки, пытаясь разглядеть свое отражение, а я улыбаюсь, малыши такие смешные!

Мы выходим на седьмом этаже, дверь в квартиру уже открыта. Подходя к ней, я расплываюсь в теплой улыбке при виде женщины в шелковом халате, и улыбка совершенно искренняя. Это моя лучшая клиентка. Она всегда всем довольна, не торгуется, дает щедрые чаевые и делает заказы почти каждый день. Она улыбается мне, показывая ряды ровных и неестественно белых зубов, и наклоняется к Машутке, треплет сестренку по щеке, а затем протягивает леденец. Машутка благодарит ее:

– Большое спасибо, – а дальше, как я научила, рассказывает про нашего котенка:

– А у нас теперь есть котенок! Он такой маленький и пушистый и любит бегать за веревочкой.

Такая милая, ни к чему не обязывающая болтовня, но я знаю, как важна она для таких женщин, как Александра Алексеевна. У нее нет своих внуков, а дети давно выросли и месяцами находятся на фронте. Вероятно, они заседают в штабе и планируют сложные операции и поставки, а не бегают с автоматом на передовой, но все же... Их матери, хоть и имеют хороший достаток, но непременно нуждаются в чем-то большем, чем просто деньги.

Александра Алексеевна долго расспрашивает Машутку о котенке, домашних и сестренка с удовольствием рассказывает. Клиентка снова смотрит на меня, забирает тяжёлую корзинку и протягивает деньги. Я не пересчитываю, это ее обидит, к тому же у нее все всегда правильно, и быстро прячу их в сумку. Александра Алексеевна переводит взгляд на Машутку и высыпает ей в раскрытые ладони горсть монет:

– На молочко котенку.

– Спасибо, – расплывается в довольной улыбке Машутка.

Мы прощаемся и заходим в лифт. Двери закрываются, и я приседаю и быстро высыпаю из Машиных ладоней монеты в свою сумочку, и на лице сестренки гаснет улыбка и появляется недоумение. Я оставляю ей пятак, она его заслужила, но сестренка на удивление не радуется монете.

– Насть, а это плохо, что мы врем?

– Мы не врем, – отвечаю я.

– Но у нас же нет котенка?

– Но кошка же есть.

– Зачем врать про котенка, когда у нас есть кошка?

Ее вопросы с каждым днем становятся все интереснее и интереснее. Наверное, она просто становится разумнее.

Я не отвечаю, так как мы уже выходим из лифта и проходим мимо консьержа, который терпеливо разговаривает с какой-то пожилой женщиной с маленькой собачкой на руках. Я

улыбаюсь ему и машу рукой на прощание. Выйдя на улицу, решаюсь ответить сестренке, предварительно посмотрев по сторонам: когда врешь, надо быть всегда на чеку.

– Понимаешь, маленьких больше любят. Вот смотри, когда я отношу наши товары клиентам, почему я беру тебя, а не Снежану? – Снежана вторая после меня по старшинству среди детей в нашей семье.

– Потому что она печёт тортики и кексы, когда не в школе.

– Нет же. Потому что ей уже шестнадцать, а тебе всего пять, и ей бы не дали горсть монет. Машутка морщит лобик:

– Поэтому та женщина просит милостыню со свертком, будто там малыш?

– Именно!

– Ты раньше брала Наташу, – эта моя сестренка вторая с конца по возрасту. – Теперь ей уже семь, и ты стала брать меня.

Мы подошли к выходу из двора-сказки, дверь пищит, и мы возвращаемся в суровую серую реальность с разбитым асфальтом, нищими вдоль дороги и треснувшими стеклами в окнах.

– Через два месяца мне будет шесть, – продолжает Машутка, – а потом и семь. Кого тогда ты будешь брать?

Хороший вопрос, и я не успеваю найти на него ответ, потому что Машутка отвечает сама.

– Тебя же здесь не будет! Ты уедешь, и мы останемся одни!

Вот она, правда жизни! Я действительно уеду и оставляю их одних. Я не отвечаю, и по моему телу бегут мурашки. Не хочу говорить об этом. Не сейчас, вообще никогда!

Дальше мы идем молча. Когда я уже вижу вывеску метро, Машутка начинает меня тянуть в другую сторону.

– Мороженое! Давай купим мороженое!

Как же быстро ее можно отвлечь! Я не сопротивляюсь, мне самой надо отвлечься, чтобы не накручивать себя еще больше.

Машутка быстро протягивает продавцу свой пятак и меняет его на стаканчик сливочного. Конечно, пятачок она могла бы оставить себе и попробовать накопить на что-то стоящее, но я не возражаю. Пусть полакомится, она заслужила это, проделав такой долгий путь со мной, развозя товары. Сегодня жарко, и мы устраиваемся на небольшой скамейке рядом с киоском в его тени. Машутка лижет мороженое и зажимается от удовольствия, а затем тычет им мне в лицо, уговаривая попробовать, и я не отказываюсь и чувствую сливочный вкус на языке, и прикрываю глаза. Вкус детства! Сейчас я себе такого не позволяю, а тогда...

Я вспоминаю, как когда-то давно, кажется, миллион лет назад, в 2069 году папа привел меня сюда. Тогда уже шла война, но она казалась далекой, и в столице было относительно спокойно. Здесь, прямо через дорогу, находился зоопарк, и мы частенько проводили в нем выходные. Смотрю в ту сторону и вижу воронку от снаряда, а сразу за ней развалины, когда-то представлявшие собой замок. Я помню его так отчетливо, будто это было вчера. Там висели разноцветные флажки, и я воображала себе, что в замке живет сказочная принцесса. Сейчас-то я знаю, что в замке находилась администрация зоопарка, а фасад был призван заманивать посетителей, но тогда... Тогда я с любопытством заглядывала в окна, пытаюсь разглядеть ее. Помню музыку, которая играла, те самые забавные детские песенки, которым мы подпевали, стоя со Снежаной в очереди за билетами. Папа оставлял нас стоять, как самых старших и ответственных, а сам с младшими отходил в сторонку, чтобы никто ненароком не пустил слезу. Мы совсем не возражали, нам нравилось быть «взрослыми», и в зоопарке нам со Снежаной покупали по сладкой вате, как большим. Конечно, мы сразу же делились с младшими, но это чувство, что она твоя, было восхитительно.

Я закрываю глаза и чувствую не сливочный вкус Машуткиного мороженого, а сахарный, как тающая во рту вата, улыбаюсь и вздыхаю.

– Чему ты так улыбнулась? – спрашивает Машутка. И я во всех подробностях описываю ей вату, и она забавно улыбается, представляя ее себе. Только представляя, настоящей она никогда и не видела.

Всю дорогу до дома я рассказываю сестренке про животных: слонов, обезьян, забавных козчиков, которые могли стоять на совершенно маленьких уступочках в вольере, и, конечно, про жирафа. Он был моим любимцем в зоопарке, и первым делом я всегда шла к нему. Жираф свешивал свою голову через забор вольера и давал прикоснуться к длинной теплой шее. Помню, как в тот последний год, когда зоопарк еще работал, а Машутка не родилась, я ездила к нему одна после уроков и тренировок, сбегая от домашних заданий и обязанностей. Я садилась напротив и рисовала, пытаюсь передать безумно добрые глаза, маленькие рожки и каждое пятно на длинной шее. Интересно, где сейчас эти рисунки?

Вспоминаю даже, что мы с папой придумали традицию приезжать сюда и показывать жирафу медали после каждого соревнования, чтобы их цвет был всегда золотым, как его шерсть. Позже меня ждало жестокое разочарование: ни одна из них не оказалась по-настоящему золотой, и в расстройстве я выбросила их в ближайшую к ломбарду урну. Сейчас мне их немного жаль, но, надо быть честной, они абсолютно бесполезны, были тяжелы, а я слишком голодной и уставшей, чтобы тащить их обратно домой.

Надо сказать «спасибо», сейчас многое изменилось с того дня. Я сыта, здорова и полна сил. Мой брат и сестры тоже. Мама... ну, ей намного лучше, чем тогда. В нашем доме есть свет, газ и вода. У нас есть коза, куры, старая облезлая кошка и сад с огородом, а главное свой собственный бизнес, которым я так горжусь. Бизнес, который способен прокормить нашу большую семью: меня, маму, Снежану, Сашку, Кариночку, Натусика и Машутку.

Мне есть чем гордиться, и я горжусь этим. Горжусь, что сумела выбраться и вытащить всех, чего бы мне это ни стоило, а чего стоило, лучше не вспоминать вовсе. Я сильная, я могу все!

Приезжая домой, я вспоминаю, что далеко не все. Через месяц мне нужно уезжать, и я никак не влияю на это, и мое настроение портится. Нет, не стоит думать об этом, но я уже не могу остановиться. Я огрызаюсь на маму, которая снова жалуется на жару и не работающий уже так много лет кондиционер:

– Так почини его! Нет? Тогда пора бы уже привыкнуть и смириться с тем, что кондиционер не будет работать никогда!

Затем подхожу к столу в гостиной и вижу, что он завален какими-то бумажками, книгами, а на стуле валяется смятая футболка, и кричу брату:

– Саша! Почему тут опять такой срач? Сейчас же убери все, мне нужен стол!

Сашка появляется в комнате со стаканом воды в руках:

– Мне он тоже нужен, я задания к школе делаю. Ты можешь сесть на кухне.

Мне хочется закричать на него громче, но это бессмысленно. Он не виноват, стол нужен ему для учебы, и я действительно могла бы сесть на кухне. Мне просто нужно успокоиться.

Ближе к вечеру, пока я секатором обрезаю лишние листочки винограда, представляя, как режу не стебельки, а головы каждого, кто придумал эту треклятую войну, которая длится уже больше пятнадцати лет, то слишком активно, то лениво, ко мне подходит Снежана. Она ласково обнимает меня за плечи и шепчет:

– Успокойся, все будет хорошо.

В отличие от меня, Снежана добрая, ласковая, где-то наивная, но только не сейчас. Сейчас я знаю, чего она хочет, и это бесит меня еще больше. Она привыкла всего добиваться улыбками, нежными объятиями и лаской, и в этом ее хитрость. Не мудрено, что мама ее так обожает и потакает во всем. Я же, наоборот, холодна и расчетлива, порой даже слишком, и я не могу себе позволить быть нежной и доброй ни на минуту. Я никогда не пойду обнимать сестру или кого-либо, чтобы добиться своего; скорее, я поставлю перед фактом, прикрикну

или просчитаю действия и добьюсь своего. Но, как бы то ни было, сейчас мы идем в дом, где я принимаю душ и переодеваюсь.

Снежана уже надела кремовое платье в горошек, оно красивое и благородное. Нарядных платьев, подходящих к случаю, у нас всего два, и оба когда-то принадлежали маме. Мне досталось белое в нежный цветочек. Рисунок наивный, легкий, и горох мне нравится больше, но у Снежаны наивности хоть отбавляй, так что пусть лучше идет в серьезном горохе. Сестра достает бусы, имитирующие жемчуг, и надевает на себя. Бусы – дешевая бижутерия, и не мне судить, на что Снежана тратит свои карманные деньги, но мне кажется, это бесполезное приобретение, и я чуть поджимаю губы.

Снежана крутится перед зеркалом, и все домашние с восторгом смотрят на нее.

– Какая же ты у меня красавица! – замечает мама, и так оно и есть. По части красоты Снежана унаследовала от родителей все самое лучшее: большие голубые глаза с длинными кукольными ресницами, аккуратный курносый носик, пухлые губы и густые выющиеся волосы, тонкую талию, грудь, до которой моей, пожалуй, никогда не вырасти, хоть я и старше. Я не завидую ей, но ее внешность меня немного пугает, вернее то, как реагируют на нее окружающие. Парни и мужчины всегда провожают ее взглядом, пытаются познакомиться, пристают. Снежане с ее характером легкомысленной кокетки было бы намного безопаснее родиться похожей на меня. Я смотрю на мир строгими серыми глазами, мой носик острый, а губы тонкие. В целом мое лицо благородно и даже красиво, но только если не сравнивать меня со Снежаной. Я худее, мои формы не столь выражены и выгляжу, пожалуй, даже младше, несмотря на то что рост у нас один. И такая внешность делает меня незаметной, позволяя не привлекать особого внимания, появляясь на улицах и в людных местах.

Наконец сеанс самолюбования окончен, и Снежана поворачивается ко мне. Она буквально светится от счастья:

– Настя, ты такая красивая! Мама, скажи, ей так идет это платье!

– Была бы еще красивее, если бы чаще улыбалась и не поджимала губы. Тебе же всего восемнадцать, а не восемьдесят.

Хочу огрызнуться, сказать, что будь она моей клиенткой, то видела бы мою улыбку чаще, но одергиваю себя. Мои губы растягиваются в широкой улыбке – она фальшивая и искусственная, но мама этого не замечает. Она улыбается мне и всего на минуту забывается.

– Подожди, к этому платью у меня были красивые серьги.

Она встает с кресла, опираясь на клюку, и даже успевает сделать один шаркающий шаг, как память возвращается к ней, и её улыбка гаснет. Но все же она натягивает ее снова, пятась назад в кресло. Бьюсь об заклад, сегодня ночью она вновь будет плакать об ушедшей жизни.

Раздается звонок, это пришли подружки Снежаны, и мы выходим из дома. Снежана целует обеих в щеки, я лишь бросаю «Привет!». Они идут вперед, и я слышу, как Полина, самая неугомонная из подруг моей сестры, шепчет ей:

– Зачем ты взяла её?

Снежана тихо ей отвечает:

– Она одну меня не отпускала!

– Ну что за глупость! – восклицает Юля. – Все ходят на танцы без взрослых.

«Взрослых», – повторяю я про себя. Я всего на два года старше каждой из этой троицы, но в каком-то смысле она права. Я знаю, все воспринимают меня как взрослую, в их глазах мне скорее восемьдесят, чем восемнадцать, ведь я всегда командую, указываю, что делать, и принимаю решения, и ответственность за все и всех лежит на мне.

Я уже простила Полину за родителей, которые не дали мне и куска хлеба, когда мы так нуждались. В каком-то смысле они были правы, я бы тоже сейчас не дала. Нет никакого смысла в помощи семье, потерявшей кормильца, с матерью, которая прикована к постели, и шестью малолетними детьми. Сейчас я тоже понимаю, что кусок хлеба не поможет, тогда как работа-

щим рукам он будет не лишним. Это было давно, и нет никакого смысла в обидах, тем более что, по словам Снежаны, Полина делилась с ней обедом в школе, а это не мало, особенно если это правда.

Девчонки смеются, им не терпится пойти на танцы, а мне скорее страшно и неудобно. Я знаю, что большинство девчонок от пятнадцати и старше бегают по танцулькам, и слышала, что в этом нет ничего хорошего. Сегодняшние танцы – это не только музыка и движения на танцполе, но и кое-что еще.

Нет, это приличное место, самые приличные танцы во всей округе. Они проходят на открытой веранде хорошего кафе, и если девушка выглядит симпатично, то ее пускают бесплатно. О возрасте никто и не спрашивает: тут все старше восемнадцати, и всех это устраивает.

Мы проходим к танцплощадке, и Снежана с подругами идет вперед, туда, где находится бар. Я немного волнуюсь, но денег у нее все равно нет, так что ей вряд ли удастся выпить, и потому остаюсь у входа, намереваясь простоять здесь весь вечер, не сводя глаз с сестры.

Мне есть о чем волноваться: сразу находятся молодые люди, которые подходят к троим подружкам, а затем приглашают танцевать. Сестра улыбается до ушей, и я невольно улыбаюсь тоже. Как мало ей надо для счастья! Всего-то чтобы однажды тебе разрешили пойти на танцы.

Снежана танцует один танец, второй, третий, и я перестаю считать и все чаще поглядываю в сторону столиков. Я рано встала и к вечеру уже не чувствую ног от беготни по городу и работы в саду. Столик мне не светит: сев за него, нужно сделать заказ, а мне это не по карману.

Возможно, мне можно было бы присесть за стойку бара и заказать воды. Вода даже здесь стоит недорого, верно? Но группа шумных вояк, расположившихся там, меня пугает. Так что решаю остаться здесь, в тени.

Я отвлекаюсь всего на минуту, но теряю Снежану из виду. Где же она? Я выпрямляюсь и иду к кромке танцплощадки, верчу головой во все стороны и не обращаю внимания на нахальный голос, раздающийся совсем рядом:

– Меня ищешь?

Я лишь отмахиваюсь. Раздается новая мелодия, и я вижу Снежану с совсем другим молодым человеком, к которому она прижимается слишком близко и смеется. Она что, пьяна? Мне срочно нужно подойти поближе, и на помощь приходит обладатель нахального голоса:

– Потанцуем?

Я киваю, не глядя, и позволяю вывести себя на танцпол, и вот уже одна рука оказывается на моей талии, а вторая сжимает ладонь. Он пытается сократить расстояние между нами и прижать меня к себе, но я делаю шаг назад и уверенно говорю: «Нет». Я умею говорить очень уверенное «нет». Обладатель нахального голоса лишь усмехается, но больше попыток не делает, а я не свожу глаз со Снежаны настолько, насколько это возможно на танцполе.

– Как тебя зовут?

– Алевтина, – живо вру я, сама не знаю зачем.

– Костя.

«Да мне вообще-то все равно», – думаю я про себя.

– Кого ты там так высматриваешь? – Я не отвечаю, и он продолжает: – Дай угадаю? Парень бросил, и теперь танцует с другой?

Столь нелепое предположение заставляет меня рассмеяться и посмотреть на человека, который его сделал.

Он молод, красив, и искорки в глазах выдают веселый нрав, и потому я решаюсь открыться:

– Нет же! Там моя сестра танцует, и я боюсь, не выпила ли она. Младшая сестра, понимаешь?

– Да, конечно. У меня тоже есть младшая сестра.

– О, сейчас ты скажешь, что тоже следишь за ней?

– Нет же, – смеется он, – она уже взрослая и давно замужем. Какая твоя?

– Та, в платье в горошек.

– Ок, – коротко отвечает он и ведет меня в танце прямо к ней, так что мы оказываемся совсем рядом. Снежана замечает меня, и расстояние между ней и ее партнером становится более приличным. Ее глаза веселые, но совсем не пьяные, я зря волновалась.

– Успокоилась? – интересуется мой насмешливый партнер.

– Да, вполне, – теперь я рассматриваю его более внимательно, и тут сразу же появляется мой второй недостаток. Или достоинство, как хотите. Кроме того, что я маниакально слежу за членами моей семьи, я еще во всех вижу потенциальных покупателей.

Так-так. Он молод, не больше 30, гладко выбрит и не в форме, но на запястье браслет военного. Странно, по-моему, все офицеры любят похвастаться своей формой, а уж танцы – самое место для этого, разве нет? Возможно, он просто отсиживается в штабе, и никакого звания нет, так что и похвастаться нечем. Но рубашка явно дорогая и новая, такую простой солдат позволить себе не может. Значит, офицер. По правде говоря, я не сильно разбираюсь в званиях, для меня кто не солдат, тот офицер, а значит, потенциально мой клиент. Я чуть передвигаю ладонь на плече и чувствую стальные мышцы через рубашку. Он определенно не сидит за столом в штабе.

– В отпуске? – спрашиваю я.

– Нет, меня выгнали подумать над своим поведением.

Я смеюсь. Очень остроумно. Значит, в отпуске, я знаю такой тип очень хорошо. За пару недель отдыха они хотят получить все возможные удовольствия и готовы потратить все, что заработали.

«Настя! Что ты делаешь? Ты впервые в жизни на танцах, танцуешь с приятным молодым человеком, а думаешь, что ему продать!» – мысленно кричу я себе.

Звучит уже другая мелодия, но наш танец продолжается. Молодой человек видел, как я его рассматривала, и остался доволен, но, к несчастью, видно, оценил этот взгляд по-своему, и его рука с талии поползла ниже.

– Эй! – я быстро возвращаю руку на место.

– Извини, забылся, – кажется, его ничего не может смутить.

Ладно, сам напросился.

– Кто ты по званию? – спрашиваю с невинной улыбкой, прикидывая поставить цену по двойному или тройному тарифу, и он вдруг становится серьезным.

– Младший унтер-офицер.

– О-о, – неопределенно протягиваю я. Офицер уже хорошо, а вот первые два слова звучат как-то не очень.

Он начинает смеяться и притягивает меня ближе, а я все еще пытаюсь угадать, что его так смешит, и понимаю это, только когда он начинает шептать мне в самое ухо.

– Я только что вернулся с Бородинского сражения.

Мне так смешно над собой, что я даже не пытаюсь отстраниться.

– Прости, вот я дурочка!

– Если ты не разбираешься в званиях, зачем тогда спрашивала?

– Тебе лучше не знать об этом, – смеюсь я.

– Ага, я тебя раскусил, – его хватка становится пугающе жесткой, и он снова шепчет мне в ухо, – ты вражеская шпионка!

И я снова смеюсь. С ним весело и легко общаться, и я не могу не заметить этого.

На третьем танце мои ноги заплетаются, и этот веселый человек, имени которого я уже и не помню, ведет меня к барной стойке. Я хочу отказаться, но Снежана не собирается уходить, а сиденье стула так и манит.

– Что будешь пить?

Он уже подзывает бармена, поэтому я быстро говорю:

– Я не пью.

Он одаривает меня недовольным взглядом, но продолжает улыбаться:

– Сок?

Я неуверенно киваю.

– Два сока, пожалуйста, – и он протягивает бармену свернутую купюру.

Что я творю! Я же знаю эти негласные правила: если за тебя кто-то платит, то он непременно хочет получить что-то в ответ.

Ладно, это всего лишь сок, как только допью, уйду и утащу Снежану домой.

Передо мной появляется бокал янтарной жидкости с малиновой трубочкой, и я делаю глоток. Сок холодный и сладкий, и этот напиток дает мне так необходимые силы. Господи, как же я устала! Я выпиваю весь стакан, и рядом появляется Снежана.

– Насть, мы домой. Не волнуйся, меня проводят, а ты отдыхай.

Она чуть косит глаза на моего спутника и тут же уходит, а я вспоминаю свои обязанности старшей сестры.

– Нет, я пойду с вами! – кричу ей вдогонку, но она даже не оборачивается.

Наверняка попытается уйти Бог знает куда без меня. Я уже хочу идти за ней, но понимаю, что нужно что-то сказать, извиниться, и поворачиваюсь к своему спутнику.

– Ты про меня вспомнила, Настя?

– Прости, я не должна была... Мне пора идти.

Он пожимает плечами:

– Хорошо.

Я знаю, сейчас он отвернется к бару, закажет то, что намеревался заказать вначале, познакомится с другой, более подходящей девушкой. Он имеет на это полное право. Почему же мне так обидно? Я отворачиваюсь и стремлюсь как можно быстрее оказаться у выхода и не сразу замечаю, что он идет следом, а потому вздрагиваю, когда слышу его голос:

– Мне всегда было интересно, зачем вы, девушки, называетесь чужими именами?

– Не знаю, – я улыбаюсь, – это что-то на уровне инстинкта.

Он запомнил моё имя, и то, которое я назвала в начале, и как назвала меня Снежана. А я его нет, и мне немного стыдно от этого.

Я вижу Снежану и компанию впереди. Сестра стонет, обернувшись и заметив меня. Вот так-то! Никаких глупостей сегодня. Главное, самой их не наделать.

Мы с молодым человеком смеемся и болтаем, и я не помню, когда вот так вот просто смеялась с кем-то, и про свой второй недостаток я уже и забыла, и позволила себе расслабиться.

Дорога до дома слишком коротка, и вот я уже вижу, как Снежана скрывается за калиткой нашего дома, даже не взглянув на меня, а вся компания идет дальше.

Мы останавливаемся перед домом и стоим пару минут.

– Может, завтра в кино сходим?

Я киваю и только потом понимаю значение его слов.

– Отлично, я заеду за тобой в восемь, – он наклоняется и целует меня в щеку, а затем быстро уходит. Я толкаю калитку и захожу во двор. На автомате закрываю дверь на ключ и прижимаюсь к ней спиной, улыбаясь как дура. Что же я творю?

Глава 2

На следующий день Снежана со мной не разговаривает. Еще бы! Всем все можно, а ей одной ничего нельзя! Она не понимает и отказывается слушать, что с глупостями «всех» будут разбираться другие, а последствия ее придется расхлебывать мне.

Мама тоже недовольна, уж не знаю, что ей наболтала Снежана, только весь день она выговаривает мне за мой скверный характер.

К счастью, дома я нахожусь мало. Я снова беру тяжелую корзинку, большую коробку с пирожными, а также домашнее печенье и, конечно, Машутку. Она не возражает, она привыкла и знает, для чего это. Обе мои руки заняты, и Машутка привычно держится за корзинку своей маленькой ручкой. Я тащу ее с собой еще и потому, что дома ее просто не на кого оставить. Все наши дни расписаны, и у каждого свои задания. Снежана печет торты и пирожные, Саша уходит утром пасти коз и заготавливать им корм на зиму, Карина и Натусик полют грядки и убирают в доме. Их маленькие ручки неплохо справляются с этой работой, но если пустить в огород Машутку, то жди беды.

Мы относим заказы, и я ловлю себя на мысли, что сегодня хороший день и настроение у меня превосходное. Я улыбаюсь широко и искренне и с охотой болтаю с клиентками и сестренкой. Мы возвращаемся домой к ужину, и первым делом я купаю Машутку, а дальше принимаюсь раскладывать сухое белье.

Мама снова ворчит. Она просто не понимает, что сейчас походы на танцы и свидания – это не только держание за руки и робкие поцелуи, как это было во времена ее молодости. Я пытаюсь наладить с ней отношения и потому говорю о погоде, расписываю, какой сегодня свежий воздух и что не так жарко, как вчера. Но она лишь вздыхает:

– Ты уехала и опять про меня забыла. А я ведь не могу сама в сад спуститься!

И это становится последней каплей. Я взрываюсь:

– Что ж ты любимую дочь не попросила?

Снежана мигом прилетает к нам в комнату из кухни, и мы все трое орем друг на друга. Я останавливаюсь только тогда, когда вижу, как Машутка закатывает глаза, показывая, как ей это надоело. Я закатываю глаза вслед за ней и иду в нашу со Снежаной спальню.

Мы орем друг на друга последние полгода практически постоянно. Все началось, когда Снежана стала интересоваться модой, красить губы и настойчиво проситься на танцы. А возможно, тогда, когда я поняла, что в начале июля мне предстоит уехать, и этого мне не избежать. Не буду об этом думать, не сейчас.

Я беру чистое белье и достаю платье, то самое, в легкомысленный цветочек. Красивых платьев у меня по-прежнему два, и оба он уже видел, так что надену то же, что и вчера. Я иду в душ, и меня накрывает осознание происходящего.

Что я делаю? Я же не легкомысленная девица, вроде Снежаны, которая только и мечтает о свиданиях. Это просто глупо! Я и так после вчерашних танцев еле встала. С чего я вообще взяла, что он придет? Дурочка! Он, вероятно, хотел посмеяться надо мной, а я и поверила. Дура, глупая дура!

Тем не менее, я выхожу из ванны в платье в цветочек и с поднятыми вверх каштановыми волосами. Беру сумочку, надеваю ее через плечо и прохожу на кухню. Снежана так и ахает, догадавшись. Мама пару раз раскрывает рот и снова захлопывает его.

– Так ты собралась на свидание?

Я скрещиваю руки на груди.

– Да, и что?

В случае, если он не придет, надо будет сходить куда-нибудь одной, чисто для вида, их злорадства я просто не выдержу.

– А как же то, что это легкомысленно, глупо?

Я закатываю глаза, а Снежана с особым остервенением начинает взбивать белки венчиком.

– Почему ты все запрещаешь Снежане, а не себе? – вопрошает мама.

– Потому что я старше, умнее и осторожнее.

– Ты всегда считаешь себя самой умной! – кричит Снежана.

– Тебе напомнить, как ты ехала платить за дом и купила туфли?

Белок выплескивается из миски, и Снежана швыряет её на стол.

– Ты мне теперь всю жизнь будешь это вспоминать?

– Это было не так уж и давно!

– Я же уже тебе объясняла, что такие туфли сложно найти, и они были мне по размеру, и к тому же со скидкой! Это было выгодно!

– Выгодно? – кричу я ей в ответ, совсем как в тот день, когда она вернулась домой невестой счастливой.

– Я знала, что у тебя еще есть деньги, ты же заплатила за дом на следующий день!

– А ты выкинула чек специально, чтобы я не могла вернуть эти треклятые туфли!

– Ты меня уже просто достала! Ничего нельзя! Я жду не дождусь, когда ты уже уедешь!

Я знаю, что она говорит это с горяча, но меня уже не остановить.

– Да? Вот и славно! Надеюсь, ты понимаешь, что мой билет в один конец, и, если тебя кто-то напоит и трахнет под кустом, с последствиями будешь разбираться сама! – кричу я и тычу в нее пальцем.

Мама ахает от моих слов, а Снежана неестественно замирает. Она мне не отвечает, и это кажется странным. Сестра стоит, открыв рот, и смотрит куда-то за меня, и я оборачиваюсь узнать, что же её так поразило.

Наш дом устроен так, что сразу напротив входной двери находится кухня. Сейчас лето, жарко, и двустворчатые двери в кухню открыты настежь, но даже если бы они были закрыты, мы орали слишком громко.

Я просто идиотка, и так стыдно мне еще, пожалуй, никогда не было.

– Добрый вечер, – произносит мужчина в прихожей, и я чувствую сарказм в его голосе.

– Привет, – неуверенно бормочу я.

– Здрасьте, – лепечет Снежана, щеки которой становятся невообразимо красными.

– Как ты вошёл? Ты же должен был позвонить в калитку.

– Я его впустил, – говорит Сашка, и тут только я замечаю младшего брата рядом. – Снежана сказала, что кто-то тебя провожал с танцев вчера, а я встретил его у калитки и впустил. – Брат видит недоумение на моем лице и произносит гениальную фразу: – Что ты так смотришь? Это не он, что ли?

Мой брат просто идиот! Я прикусываю язык, чтобы не сказать это вслух.

Похоже, мое первое и единственное свидание завершилось, так и не успев начаться. Даже интересно, что на это скажет Константин. Да-да, я вспомнила его имя, но язык не повернется сейчас назвать его Костей.

Я надеваю туфли, и мы выходим на улицу и молча идем к калитке. Я не знаю, что сказать. Надо, наверное, извиниться. Мне было бы проще, если бы он был грубым солдафоном, у которого мат через слово, но, на удивление, он хорошо воспитан и придерживает калитку передо мной. Я выхожу, и мое сердце бьется как бешеное. Надо извиниться, сказать, что я не такая, что обычно я не ору на младшую сестру и так не выражаюсь.

Мы подходим к машине, которая в лучах закатного солнца блестит ослепительной чистотой, и Константин, как галантный кавалер, открывает передо мной дверцу. Мысленно я матерюсь на него, проклиная его манерность. Было бы проще, если бы он дал мне дверью по ногам, но он просто молча садится в машину и заводит мотор.

Я собираюсь с духом и говорю:

– Извини за это. Обычно я так не кричу.

– Не страшно, – мы трогаемся с места, и он снова молчит.

– Я пойму, если ты теперь не хочешь никуда со мной идти.

Он отрывает взгляд от дороги и смотрит на меня.

– Из-за семейной сцены? Поверь мне, я могу орать и похуже.

Его это что, не волнует? Я мнусь и просто для поддержания разговора спрашиваю:

– И с какого места ты слышал?

Он сводит брови и говорит:

– И если тебя кто-то напоит...

– Не продолжай, – перебиваю я.

– Ок, – говорит он.

До кинотеатра ехать недолго, и, глядя, как он сжимает челюсти всю дорогу и молчит, мне становится не по себе. Он паркуется, и я решаюсь произнести:

– Если не хочешь, можем никуда не идти.

– А-аа? – он смотрит на меня недоумевающе, но быстро понимает, о чем я, – Не волнуйся, ты тут ни при чём. У меня просто небольшие сложности на работе.

– Можем сходить в другой раз, – ляпаю я, не подумав.

– Знаешь, чего я хочу сейчас? Напиться и трахнуть кого-нибудь под кустом, – он вроде шутит моими же словами, но не смеется. Вздыхает и продолжает: – И чтобы мне потом не пришлось разбираться с последствиями моих глупостей... Так что давай просто пойдем в кино.

Я киваю. Это он сейчас так шутил? Да или нет?

Мы заходим в кинотеатр. Тут собралась целая толпа, как обычно по вечерам в выходные. Я знаю это не потому, что так люблю кино и хожу смотреть фильмы, нет. Фильмы я давно не смотрела, и в кино тоже не была.

Мы протискиваемся сквозь толпу, и я вижу знакомую женщину. Она ходит между влюбленными парочками с охапкой цветов, замечает меня, и ее глаза округляются. Затем она улыбается беззубой улыбкой, перехватывает свою ношу поудобнее и показывает мне большой палец. Я улыбаюсь в ответ, а она отворачивается и продает букетик прыщавому парнишке. Раньше я тоже здесь торговала цветами, но бросила эту затею, нашла дело повыгоднее.

Мы заходим в зал и садимся в самом центре. Костя все это время молчал и сейчас спохватился.

– Ой, извини, надо было взять попкорн или газировку. Я схожу сейчас, – он встает, но я останавливаю его.

– Все в порядке, ничего не надо.

– Точно?

– Да, – я киваю, и он садится обратно, берет меня за руку, переплетает наши пальцы и молча смотрит на пока еще пустой экран, сжимает челюсти, и мне не уютно, хочется забрать руку, но я почему-то не решаюсь.

Свет гаснет, и гомон смолкает. Начинается фильм, и рука сжимает мою руку сильнее, а затем хватка ослабевает. Снова сжимается и снова ослабевает. Я смотрю на сидящего рядом мужчину и не понимаю, что это с ним? Он по-прежнему сжимает челюсти, так что на шее проступает узор из мышц и вен, точно так же, как делал это в машине, и смотрит на экран. Я могла бы поспорить, что фильма он не видит.

Меня охватывает паника. Я больше не хочу сидеть здесь, рядом с ним в темном зале, не хочу, чтобы так странно сжимали мою руку, но не уйду, парализованная страхом. Пытаюсь отвлечься и смотрю на экран и вижу там фильм. Это какой-то очень старый фильм про большой корабль, девушку Розу и юношу. Настоящее настолько пугает меня сейчас, что я предпочитаю

сосредоточиться на действии на экране, и мне это удастся на удивление легко. Меня уже здесь нет, и ни одной из моих проблем тоже, я там, на корабле, вместе с Розой.

Только когда на экране появляются титры, и зрители неохотно встают со своих мест, я понимаю, что плакала. Я выдергиваю руку, лезу в сумочку, достаю платок, наспех вытираю слезы и только потом поворачиваюсь к Косте. Он внимательно наблюдает за мной.

– Пойдем?

Я киваю и шмыгаю носом, и он снова берет меня за руку, переплетает пальцы, но, к счастью, не сжимает. Мы выходим из зала, и я с облегчением замечаю на щеках других девушек дорожки от слез.

Мы выходим из кинотеатра, по-прежнему держась за руки, и Костя отпускает мою, лишь открывая дверцу машины. Сажусь на сиденье и не знаю, что сказать, назад мы едем тоже молча. Останавливаемся перед домом и проходим к калитке.

– Прости, я совсем тебя не развлекал. Надеюсь, фильм компенсировал мое угрюмое настроение?

Я киваю и легко улыбаюсь:

– Да.

– Я заеду завтра за тобой около девяти.

Он не спрашивает, а утверждает, и потому я даже не отвечаю. И Костя наклоняется и целует меня в губы. Просто легко касается своими губами моих, а затем отстраняется, бросает «пока» и идет к машине. Я смотрю, как он садится в машину и уезжает, и только тогда подношу руку к губам, не ошиблась ли я?

Я тихонько пробираюсь в дом, захожу в спальню и беру халат с ночной рубашкой, а затем отправляюсь в ванную. Я включаю воду, собираюсь умыться, но вместо этого долго смотрю на свое отражение в зеркале. Он меня поцеловал! Не так, как в фильме, а просто легко коснулся своими губами моих. Настоящие мужские губы коснулись моих девичьих. Поцеловал. Об остальном я и забыла, помню лишь то, что его губы коснулись моих!

От непрерывного созерцания своих губ в зеркале меня отвлекает только одна мысль, украдкой пробравшаяся в голову. Наш счетчик крутится как сумасшедший, считая бесцельно потраченную воду. Я вздрагиваю и быстро умываюсь, чищу зубы, надеваю ночную рубашку и халат, сняв наконец легкомысленный цветочек. Крадусь в комнату и понимаю, что Снежана не спит. Она меня ждала и сейчас в своей кровати лежит без сна, разрываемая между любопытством и обидой.

Я отворачиваюсь от нее к стене и снова трогаю свои губы. Возможно, он даже не придал этому поцелую значения, но это имеет значение для меня, и я позволяю себе помечтать.

Будильник звонит предательски рано, но с первым же сигналом я вскакиваю, иначе проваляюсь в сон опять. Сегодня воскресенье – мой любимый день недели. Сегодня выходной у всех, а это значит, что я снимаю с себя роль надзирателя и позволяю каждому члену моей семьи делать, что вздумается. В разумных пределах, конечно, но все же.

Каждый может встать, когда захочет, позавтракать, когда вздумается, у нас нет никакого четкого плана на день. Обычно я расписываю день для каждого члена семьи, и все живут по этому графику. Никто не возражает, ведь разделение обязанностей и правильное их выполнение просто необходимо для нашего выживания. Иначе, клубника засохнет, торты и пирожные не испекутся, козы не получат достаточно корма и не дадут молока, а мы останемся без денег.

Сегодня выходной, и я позволяю себе забыться. Я неустанно вспоминаю вчерашний вечер и рассказываю моим сестрам в красках сюжет фильма. Трем самым младшим, конечно же. Я делаю его более простым, и в конце у меня главные герои, Роза и Джек, спасаются. Девочки слушают, раскрыв рты, а после целый день ходят за мной хвостом, прося рассказать еще раз.

Ближе к вечеру мои бусины, так мне нравится называть троих младших сестреноч, идут в развалины недалеко от нас. Дом там был разрушен при бомбежке, но зато во дворе остались качели и старая скрипучая карусель, к ним-то и устремляются бусины.

А я отправляюсь в наш сад. Здесь, между рядами яблонь, груш и слив, мы устроили грядки. Я надеваю садовые перчатки и усаживаюсь на маленький стульчик полоть. Наслаждаюсь тишиной и покоем, пением птиц, своими мыслями и продолжаю мечтать.

Когда моя работа подходит к концу, в саду появляется Снежана. Она ластится и хочет помириться. Мне не устоять, я снимаю перчатки и обнимаю сестру. Сегодня у меня слишком хорошее настроение.

Снежана придвигается ко мне ближе, и я вижу озорной блеск в ее глазах. Сестра шепчет мне:

– Ну расскажи...

– Что рассказать? – спрашиваю я, будто не понимаю.

– Ты и сама знаешь.

Я молчу, и эта плутовка продолжает:

– Современные молодые парни, а этот мужчина тем более, хотят не просто держаться за руки и разговаривать. – Она говорит моими же словами, без труда копируя интонацию моего голоса, и если она продолжит, я ее убью! Снежана, конечно же, продолжает: – Уже напоил и трахнул в кустах?

На последнем слове она отскакивает в сторону быстрее, чем я успеваю среагировать, но я все же кидаю в нее свернутые клубком перчатки. Снежана уклоняется, хохочет и прячется за старой яблоней, а затем выскакивает из-за дерева и кидает перчатки в меня. Я тоже уклоняюсь, перепрыгиваю грядку, хватаю перчатки и бегу за Снежаной по саду. Она визжит и ныряет в виноградные заросли и оттуда хохочет. Я обегаю их и кидаю – в этот раз попадаю в цель, и теперь убегать приходится мне.

Мы носимся по саду друг за другом добрых полчаса, а затем валяемся на том небольшом клочке газонной травы, который у нас еще остался не засаженным, и я делюсь с сестрой тайной.

– Он меня поцеловал.

Снежана мигом переворачивается со спины на живот и смотрит на мое лицо.

– Правда?

Я морщусь.

– Ну, не прям поцеловал. Просто коснулся губами моих губ. Легко коснулся, – поясняю я. Почему-то это легкое прикосновение кажется мне самым важным из того, что было вчера. Но я рассказываю сестре и про переплетенные пальцы, а вот про сжатые челюсти – нет. И про то, как он сжимал и разжимал руку, и какое жутковатое у меня появлялось ощущение при этом, тоже. Ей не рассказываю, зато вспоминаю сама.

Наконец Снежана вскакивает и с криком «Запеканка!» бежит в дом. Если она ее сожгла, наш ужин будет не ахти, но я не бегу за ней решать проблему ужина, а лежу одна и думаю.

А что, если он маньяк? У меня бегут мурашки от этой мысли. Разве я не слышала всех этих жутких историй? Что, если он сошел с ума на этой треклятой войне? Ведь сколько людей за пятнадцать лет просто сошли с ума, и убийства, и насилие для них стали нормой.

Сжимал и разжимал руку, будто хватался за меня. Или же нет? Может, я зря себя накручиваю? Может, у него просто какие-то неприятности, и это все нормально? И сжатые челюсти, и руки?

Я совсем не знаю мужчин. Папа погиб более пяти лет назад, и больше мужчин в моей жизни нет. Мои клиентки в основном женщины в годах, конечно, я люблю и офицеров, они приезжают в отпуск на две недели и, желая поразить любимую девушку или жену, обычно заказывают цветы, клубнику с шампанским или торты, а чаще все разом. Но они не постоянны,

молчаливы, появляются и исчезают, и, по сути, я не знаю о них ничего, кроме того, что можно задрать цену повыше.

Я нечаянно вспоминаю тех двоих, их безумный блеск в глазах и руки, шаркающие по моему телу... Нет, не буду их вспоминать! Это было давно! Я уже обо всем забыла. Мои руки трясутся совсем как тогда, и пока воспоминания не накрыли меня с головой, иду в дом.

Ближе к девяти я уже готова. Сегодня легкомысленный цветочек остался висеть в шкафу, не хочу, чтобы Костя обманывался на мой счет. Я не легкомысленна. Совсем нет.

Сегодня на мне джинсы и тонкая шифоновая блузка со спущенными плечами. Снежана нацепила на меня свои бусы из лжежемчуга, мне они кажутся безвкусными, но я их оставляю, более изысканных украшений у меня нет. Мои каштановые волосы распущены и лежат волнами по голым плечам. Снежана предлагает меня накрасить. У нее есть тушь и тени, но я отказываюсь.

Тянусь к сумочке и на всякий случай проверяю ее содержимое. Просто чтобы убедиться, все ли на месте. Платок, зеркальце, ключи, пилочка, несколько купюр. Но кого я обманываю? Мне просто необходимо убедиться, что нож на месте. Маленький складной ножичек – мой верный друг. Не вынимая руки из сумки, я нажимаю на кнопку, и лезвие легко выскакивает. Это меня успокаивает. Наверное, сошла с ума я, а не он.

Я прячу лезвие и застегиваю сумочку. Около девяти – это во сколько? Я люблю точность, не люблю эти «около». Но жду совсем не долго, не больше пяти минут, и он заходит за мной. На этот раз звонит в звонок, и мы встречаемся у калитки. Сегодня у него хорошее настроение и смеющиеся глаза.

– Я сегодня позвонил в звонок, – бросает он вместо приветствия и целует в щеку.

Все мои волнения мигом утихают. Мы идем к машине, и он снова открывает мне дверь, и эта галантность сегодня мне нравится. На нем простая белая футболка без рукавов, и я могу созерцать мускулы, а внизу джинсы и кроссовки. Сегодня Костя сама расслабленность и беззаботность. Мы весело болтаем, едем буквально пять минут и останавливаемся во дворе-колодце из многоэтажек.

Я замечаю компанию нетрезвых парней. Они горланят что-то невразумительное, и Костя решает припарковаться от них подальше, видимо опасаясь за машину. А я не понимаю, зачем мы сюда приехали? Здесь же ничего нет! Просто жилые дома! Вон в том, с другой стороны, есть магазин, я хожу в него за продуктами, есть еще аптека, но она тоже не место для свиданий с девушкой. Что мы здесь делаем?

Тем временем Костя паркует машину в стороне от компаши и бросает мне:

– Идем?

Я не двигаюсь с места, чувствуя, как сердце бьется уже на уровне шеи, и спрашиваю:

– Куда?

Мой вопрос его удивляет:

– Ко мне, конечно.

Я не знаю, что сказать, поэтому просто смотрю на него. И он решает пояснить, хотя лучше бы он этого не делал:

– Служебная квартира у меня в этой дыре, но не бойсь, внутри весьма прилично, и кровать крепкая, не скрипит.

Я поражена, открываю рот и снова закрываю его, точно рыба.

– Что не так? – грубовато интересуется он, и мне хочется кричать, но вместо этого я произношу тихо:

– Вот так просто?

Костя закатывает глаза:

– Нет, давай сложно. Ты мне так нравишься. У тебя такие красивые глаза. – Он делает издевку в голосе еще более заметной. – Пойдем ко мне, и я покажу тебе свою коллекцию

домашней пыли. Да в чем проблема-то? Мне казалось, ты нормальная, и мы можем вполне обойтись без этой всей ерунды для наивных дурачков. Все просто: я взрослый, ты взрослая, я доставлю удовольствие тебе, а ты мне. Так в чем проблема?

Я качаю головой, не веря своим ушам. Мне хочется его ударить, разорвать в клочья! Сжать горло и душить! Я всегда говорила, что я не наивна, но теперь поняла, насколько я наивна. Насколько я хочу быть наивной. Я хочу, чтобы мне сказали про красивые глаза, что я нравлюсь, что он влюблен в меня...

– Извини, у тебя сложилось не верное представление обо мне. Я наивная и верю в любовь.

Пусть и не в любовь, а хотя бы во влюбленность. Когда двое поглощены друг другом, забывая обо всем. Я хочу почувствовать себя объектом восхищения, симпатии, а не средством для удовлетворения физиологических потребностей.

Он смеется:

– Ну и ну, такая большая девочка и в сказки веришь? Сколько тебе лет?

Я хочу выйти из машины, но он хватает меня за руку.

– Ответь, мне просто интересно.

Я не отвечаю и выдергиваю руку, скрещиваю кисти на груди.

– Имея довольно взрослую младшую сестру и весьма адекватные рассуждения, тебе должно быть больше двадцати. Двадцать один?

– Нет, – я зачем-то ему отвечаю, – мне восемнадцать.

Он смотрит на меня удивленно, а потом хохочет.

– Восемнадцать? Тебе восемнадцать? Значит, меньше чем через месяц ты отправишься в армию. А там любви точно нет. Есть кровь, боль, смерть. Есть секс, но только не любовь. Так что выкинь эту дурь из головы. Расчетливым людям выжить легче.

Я снова хочу выйти из машины, но не успеваю открыть дверь. Он реагирует быстро, нажимает кнопку на ключе, и замки закрываются. Я цепенею, и медленно моя правая рука движется к сумочке и верному другу. Мой мозг лихорадочно соображает. Здесь, на стоянке в колодце домов, он мне ничего не сделает, здесь безопасно. Но он поворачивает ключ зажигания и заводит машину. Я пытаюсь, чтобы мой голос не дрожал и звучал уверенно, произношу:

– Открой машину, я хочу выйти.

– Я тебя отвезу, – Костя пожимает плечами.

– Я сама дойду.

– С ума сошла что ли? Смотри, гопота какая. Вот они-то точно покажут тебе, что любви нет, пустив по кругу в ближайшей подворотне.

– Без твоих забот обойдусь!

Мы отъезжаем, а я медленно и незаметно расстегиваю замок на сумочке.

– Но все же я предпочитаю вернуть тебя туда, откуда взял. А то вдруг меня потом будет мучить совесть, – он усмехается. – Хотя я больше боюсь, что не будет. Ты как думаешь?

– Никак не думаю! – огрызаюсь я. – Останови!

– Нет, пожалуй, проверять не будем. Я высажу тебя у дома.

Я уже добралась рукой до ножичка, и теперь его рукоятка покоится у меня в ладони, и дышать становится чуть легче, хотя в висках по-прежнему долбит.

– Я тебя боюсь, останови.

Мы уже выехали со двора, и здесь довольно многолюдно.

– Не бойсь. Шанс, что я тебя убью и изнасилую, минимален. Насилие меня не привлекает, бессмысленное убийство тоже.

– Это хорошо, – отвечаю я просто потому, что где-то читала, что нужно разговаривать с тем, кто тебя удерживает. – Но мне все же страшно. Не боишься, что я просто от испуга тебя прирежу?

Он хохочет:

– Очень боюсь! Классное предположение.

Я бы на его месте так не смеялась, ведь в моей руке сейчас действительно нож, но он уже паркуется перед моим домом.

– Вот дом, ты зря боялась.

– Спасибо, что довез, – говорю я с явным сарказмом.

– Пожалуйста, – с тем же сарказмом говорит он, а я тупо смотрю на него.

Он вздыхает:

– Уже передумала?

– Что?

Он смотрит на меня как на идиотку:

– Знаешь, если мы сейчас снова доедем до моего дома, и ты скажешь «нет», второй раз я тебя не повезу. Ты выходишь или нет?

– Выхожу, – отвечаю я.

– Ну так... – он делает жест рукой, будто отмахивается от меня и до меня доходит, что он просто не понимает, почему я еще тут.

– Ты закрыл машину. Я не могу выйти.

В ответ какой-то истерический хохот.

– Ну ты и даешь!

А затем Костя наклоняется ко мне так близко, почти касаясь, и от неожиданности я его чуть не пырнула ножом.

– Вот тут такая штучка, тянешь на себя, и дверь открывается.

Дверь действительно открывается, и на ватных ногах я выхожу, а мне вдогонку летит «пока» и еще один смешок.

Я отпускаю нож в сумочку и достаю ключи. В ушах шумит, и, потихоньку открыв калитку, я иду не в дом, а в сад и забираюсь в гамак. Я обхватываю себя руками, пытаюсь утешить, но утешать саму себя – то еще занятие. Я просто кручу в голове все, что он сказал сегодня. Кручу снова и снова. Добавляю к этому еще и тот день два года назад, когда я тоже испугалась. Те воспоминания я похоронила, и эти тоже похороню. Ничего и не случилось. Сегодня ничего не случилось. Это все не важно. Не важно, что он сказал. Я его видела третий раз в жизни. И больше не увижу. Просто забуду об этом и все.

Но вместо этого заново проживаю этот вечер, повторяя слово в слово весь наш диалог. Повторяю один раз, второй, третий. На четвертый приходит Снежана. Она залезает ко мне в гамак и обнимает.

– Расскажешь? – тихо спрашивает сестра, и я отрицательно качаю головой.

– Нет.

И она больше ничего не говорит, просто обнимает меня и лежит рядом. Моя сестренка.

Глава 3

Сегодняшний день я ненавижу вдвойне: из-за того, что произошло вчера, и того, что происходит сегодня. Происходящее меня не касается. Никак не касается, и от этого особенно больно. Поэтому, роняя пачку гречки, я чертыхаюсь с особым удовольствием.

Я выкладываю на ленту в кассе все свои продукты и мысленно складываю сумму покупки, когда рядом со мной появляется одинокая запотевшая бутылка минералки. Проскальзываю взглядом со сланцев и шорт на голубую футболку, а затем и на лицо ее обладателя, и цепенею.

– Привет, – хорошо хоть сегодня без поцелуя в щеку.

– Ты меня преследуешь?

Он морщится:

– Тебя? Зачем? Я просто живу в этом доме.

– Ну и славно, – говорю я и отворачиваюсь к кассиру, который уже начал пробивать мои продукты.

Я расплачиваюсь и пытаюсь быстрее распахнуть покупки по сумкам, чтобы уйти первой, но, естественно, не успеваю. Костя забирает свою минералку, но не уходит, а стоит рядом, открывает крышку и пьет, а затем прикладывает ее к голове. Теперь уже я не спешу, пускай уходит первый, главное, уходит. Но он не торопится, стоит рядом и смотрит на мои покупки.

– Теперь я понимаю, почему у нас такие проблемы с продовольствием.

Я холодею. Что он знает? Но быстро соображаю: он имел в виду мои большие сумки, полные продуктов, и отвечаю, как мне кажется, дерзко:

– Конечно, я же не могу питаться одной минералкой.

Хочу взять сумки, но не успеваю – он берет их первым.

– Я помогу.

Легко хватает и идет к выходу.

– Постой, не надо, я сама.

Мы выходим на улицу, и он поворачивается:

– Почему не надо? Ты девушка, я мужчина и вполне могу помочь тебе. Тяжестей ты и потом натаскаешься.

– Я не слабая, я донесу сама, – настаиваю я.

Тянусь к сумкам, но он идет дальше.

– Прекрати, дай мне почувствовать себя мужчиной.

– А то так ты себя не чувствуешь!

– Не придирайся к словам. Это же правильно, что тяжелые сумки несусь я.

Я понимаю, что спорить бесполезно, и потому говорю:

– Раз правильно – неси.

И просто иду рядом.

Мы останавливаемся на перекрестке, ждем зеленый. Я смотрю на минералку, лежащую между пачками гречки и риса, и спрашиваю:

– Похмелье тяжести нести не мешает?

– Нисколько. Знаешь, я вчера хотел пойти по твоему сценарию, напиться и трахнуть кого-нибудь в кустах.

Я сжимаю челюсти, так что скрипят зубы. Он мне всю жизнь будет это вспоминать?

– Ну и как?

– Остановился на первом пункте.

– Какой молодец!

– Сам собой горжусь, – смеется Костя.

Идем дальше, и нас обгоняет группа выпускников с лентами на груди, и я вспоминаю вторую причину, по которой ненавижу этот день.

– О, выпускники. Сегодня же вручают аттестаты.

Он молчит примерно минуту, и я молюсь, чтобы молчал и дальше, но Костя произносит:

– Сколько тебе лет?

– Кажется, мы выяснили это вчера.

Я хочу уйти, и мне уже плевать на сумки.

– Тебе восемнадцать, – не отстает Костя, – значит, тебе сегодня должны вручать аттестат.

– Знаешь, в некоторых случаях его не вручают.

– О-о, ты не окончила школу?

– А ты капитан очевидность!

– Хотя бы десять классов?

– Нет.

– Девять?

– Будешь гадать?

– Мне любопытно. Может, удовлетворишь мое любопытство в благодарность за то, что я несу твои сумки?

– Ты несешь свою бутылку минералки, и почему тебе для нее потребовались мои сумки, я не знаю. Мог бы купить и пакет.

– Хорошо, одну. Бутылка в одной сумке.

– Вторая тебе для равновесия. Ты вчера перепил и боишься, что с одной тебя будет сильно штормить.

– Логично, – мой ответ Костя одобряет, – ну так, сколько?

У меня внутри все сжимается, но я все же отвечаю, нет никакого смысла это скрывать.

– Шесть.

– Шесть? – поражается Костя, – это же можно считать, что у тебя образования совсем нет. Ты хоть понимаешь, какое это дно?

Я киваю и больше на него не смотрю.

– О чем ты только думала, бросая школу?

– Об очень многом. Тебе все перечислить?

– Дай хотя бы парочку убедительных доводов.

Мы уже стоим перед моим домом. Я хочу взять сумки и убежать, но он ждет ответа, и я нехотя отвечаю.

– В двенадцать погибли папа, бабушка и дед. Они ехали в машине, когда ПВО не работало, и снаряд попал прямо в них.

Я смотрю ему в глаза и хочу выглядеть дерзко, а не вызывать жалость, поэтому спрашиваю:

– Как тебе такой довод?

– Номер раз, – он кажется безразличным. А может, действительно безразличен. Таких историй сотни.

Я не успеваю сказать второй, как он появляется из развалин. Мои сестренки, мои бусины, бегут ко мне и тормозят лишь перед калиткой, быстро-быстро оправдываясь:

– Мы всего на минутку вышли.

– Просто покататься пару раз.

– Мы уже идем полоть и убирать.

И все трое скрываются во дворе, а я получаю свои сумки, Костя быстро считает.

– Ладно, убила.

Забирает свою минералку и придерживает мне калитку. Я захожу внутрь и оборачиваюсь, боясь, что он со своими вопросами зайдет следом, но калитка просто закрывается, и он, вероятно, уходит.

Я иду в дом и ставлю сумки на стулья в кухне. Ко мне подлетает Снежана:

– Я думала, ты с ним... Ну, ты же вчера плакала.

– Ты правильно думала.

– Тогда почему он провожал тебя? Почему нес сумки?

– Потому что идиот, – грубовато отвечаю я и ухожу с кухни. К счастью, Снежана не летит за мной следом. Мое настроение она понимает и знает, когда лучше не лезть.

Но мама не понимает, и я слышу, как она стучит клюкой и шаркает в мою сторону, потому я быстро стягиваю джинсы и приличную футболку, натягиваю старую и влезаю в рабочий комбинезон. У меня полно дел и совсем нет времени на препирательства. Я выхожу из комнаты и быстро иду мимо мамы, будто не поняв, что она шла ко мне. Она ворчит что-то неразборчивое мне в след, а я отпираю дверь в подвал. У меня действительно куча дел, и сегодня день нашего подвала. Я, перепрыгивая через две ступеньки, спускаюсь.

«Самое дно» – зачем он только это сказал? Неужели не понимает, что если не произносить это вслух, то можно делать вид, что все нормально? «Самое дно»! Да я уже была на самом дне, какое ему и не снилось, и выбралась. У меня все хорошо. Есть куры, козы, огород и сад, бизнес, есть я, мама, Снежана, Саша, Карина, Натусик и Машутка. У меня все хорошо, все здоровы, нам есть что есть и что пить, у нас есть газ, свет и вода, есть даже небольшая заначка на черный день.

Я перечисляю все, что у меня уже есть, и это меня успокаивает. Я счастливый человек, ведь это все у меня есть.

У меня нет лишь одного, и потому скоро я снова окажусь на самом дне – свободы. Я не могу избежать этого вообще никак! Я искала лазейку и не нашла! Такова обязанность каждого гражданина в Креславии пойти в армию в восемнадцать лет. Феминистки прошлого могли бы гордиться: наконец-то женщина равна мужчине на все сто. Правда, мы переняли и все обязанности, и теперь должны отдавать долг родине наравне с мужчинами. Все потому, что в последние пять лет военнослужащих стало сильно не хватать, и женщин обязали служить так же, как и мужчин. Для нас, правда, есть маленькое послабление: женщины служат два года, а мужчины – три, а дальше ты можешь либо подписать контракт, либо вернуться домой.

Я пытаюсь себя успокоить. Мне повезло, что я родилась не в Сантавии – альянсе, с которым мы воюем уже пятнадцать лет, ведь там в армию уходят в семнадцать.

В восемнадцать это уже не так плохо. Плюс у меня будет четыре месяца обучения, чтобы проявить себя. Проявлю себя – значит, оставшееся время смогу отсидеться, пережить как-нибудь. Я перебираю все доступные мне варианты.

Закончи я школу хотя бы девять классов, все было бы проще. Я девушка и могла бы получить должность секретаря, выучиться на медсестру или работать еще кем-нибудь в штабе, но нет, шесть классов – это очень мало. И всем все равно, что я неплохо училась. Не то чтобы я была отличницей, но довольно неплохо. Учítывая, что шесть дней в неделю я ходила на тренировки в спортшколу, то просто великолепно. Аттестата у меня нет, и это жирный минус, документов из спортшколы тоже. В тот злополучный день, когда не сработало ПВО, она была разрушена, как и многое другое в моей жизни и жизни в Креславии.

Вспоминаю, как неделю назад пыталась убедить девушку, которая заполняла мою анкету в военкомате, говоря, что умею печатать. Я действительно умела когда-то печатать и пользоваться компьютером, сейчас такой роскоши у нас уже нет.

– И сколько знаков?

Я заминаюсь, не зная, сколько будет хорошо, поэтому называю цифру наугад.

– Двести, – надеюсь, этого достаточно.

Но девушка не скрывает высокомерной усмешки.

– Хотите, докажу? – я иду ва-банк.

– Не стоит.

По моей анкете получается, что я действительно ничего не умею. Когда она мне протягивает ее для подписи, говорит так снисходительно:

– Можете поставить крестик.

Я расписываюсь витиеватой росписью и почти кидаю бумагу ей в лицо.

С моими знаниями, с моими действительно хорошими знаниями, мне всегда будут говорить «поставьте крестик», и все интеллектуальные виды службы отпадают автоматически.

Нет же! У меня еще есть шанс! Обучение! Четыре месяца обучения. Нужно лишь как-то проявить себя. Я обязательно что-нибудь придумаю!

Но я обманываю сама себя, что я придумаю? Я не буду изучать высшую математику и учиться программировать беспилотники, роботов и прочее. Нет, меня ждет строевая подготовка, уроки стрельбы и рукопашного боя, много уроков стрельбы и рукопашного боя и чего-то еще в этом духе.

Я разузнала много всего и нашла единственное приемлемое место, куда могу попасть, которое кажется мне не таким ужасным, как утилизация ядерных отходов или пехота, в которой самые большие потери. Как я поняла «дно» – это именно там. И я вполне могу от него отвертеться. Я же умная, целеустремленная, я смогла выбраться из ямы один раз, когда погиб папа и мы остались без денег, смогу и второй – сделаю все, чтобы попасть в тихое местечко и переждать эти два года.

Снайперу не нужны корочки об образовании и это более-менее безопасно. Безопаснее многого. Берут девушек. Для этого всего-то и надо, что лежать тихо, не шевелиться и ждать. Конечно, нужно будет убивать кого-то, но с большого расстояния это не так страшно, как если проткнуть человека ножом. Нужно всего лишь лежать тихо и ничего по сути не делать. Это легко, я это умею, это умеют все. Мои сестры и брат только мечтают, чтобы ничего не делать, а мама в этом настоящий специалист. Ладно, я жестока, она помогает как может, просто может совсем немного. Я бы тоже повалялась, если бы у меня было время.

Так что мне всего-то и надо – научиться стрелять. Этим-то я и занимаюсь в свободные минуты сегодня. Не прям стреляю, для этого все же нужна винтовка или пистолет, а метая ножичек в доску, которая висит на стене в подвале. Две минуты, пока растворяется удобрение в большом ведре, и я уже снимаю перчатки и метая ножичек. Один раз, второй, третий. Я добилась уже определенных успехов, нож все чаще попадает в цель. Стрелять – это то же самое, там тоже нужно попадать в цель.

К тому моменту, как я поднимаюсь из подвала, я прибодрилась. Я попала в десятку двадцать два раза и хочу похвастаться Снежане и поесть, поэтому спешу на кухню. Захожу и вижу, как сестра взбивает белки венчиком в миске, а плечом прижимает телефонную трубку нашего домашнего телефона, что висит на кухне, а мама сидит за столом и штопает потрепанную одежду бусин.

– Какие новости? – тихонько спрашиваю я маму, кивая на радио. Сейчас оно молчит, но мама слушала новости, я точно знаю.

– Никаких, – отвечает она, – ни мы, ни Сантавия не наступаем, о группах спец назначения тоже не слышно. Тишь да гладь. Можно и забыть, что что-то происходит.

Я киваю. Я понимаю, о чем она. Война будто бы зашла в тупик, хотя раньше новости частенько сообщали об ожесточенных боях, прорывах или отступлениях. Сейчас больше похоже на мирную жизнь с обилием продовольствия и практически без обстрелов. Хотя, конечно, такое затишье обманчиво, так случалось и раньше, но потом все летело в тартарары.

Накладываю себе макароны и беру котлету. В животе уже урчит – сейчас время ужина, а я пропустила обед.

- Много новых дырок? – невзначай интересуюсь я и сажусь за стол.
- Много. Одежда уже вся поизносилась. Почему ты не купишь им новую?
- Потому что на новую ни ты, ни я не зарабатываем, – отвечаю я.

Я абсолютно спокойна, только вот звук венчика, бьющегося о стенки миски, становится громче в моих ушах.

- Они привыкают ходить как замухрышки.
- В этом есть своя прелесть, – парирую я.

Снежана громко смеется и держит трубку рукой, прекращая взбивать, и это отвлекает и меня, и маму. Наш разговор переходит в нейтральную зону:

- С кем она болтает?
- С Полиной.
- Давно?
- Нет, всего несколько минут.
- Саша уже вернулся?

– Нет, пока нет. Карина носила ему обед днем, так что он, вероятно, задержится подольше. – Мама вздыхает: – Надеюсь, хоть форму новую ты им разрешишь купить?

В нейтральной мы продержались не долго.

- Форму да. Она нужна для школы.
- И Снежане с Сашей.

– И им, – в моей голове снова венчик бьется о края миски, и я смотрю на сестру, проверяя, действительно ли она начала взбивать. Она снова взбивает – это хорошо. В кухню заваливаются бусины, и сразу становится шумно и весело. Карина, как самая старшая и ответственная из бусин, докладывает:

– Мы все пропололи, полили. В доме подмели и помыли пол. Машутка протерла пыль.

– Я совсем справилась и ничегошеньки не просыпала, – хвастает моя самая маленькая сестренка: – Я уже большая-большая!

Машутка обнимает меня и целует в щеку.

– Ты ж моя лапочка.

– А я не лапочка, – Натусик целует меня в другую щеку.

– Вы две мои бусинки-конфетки, – я целую по очереди каждую. Я тискаю девочек, и они задорно хохочут.

В кухню возвращается Карина и надевает фартук. Я и не заметила, как она выходила.

– Они не мыли руки, – говорит она строгим голосом.

Девочки подскакивают и бегут в ванную, а Карина бросается ко мне:

– Ага! Вот я тебя и захватила! – она обнимает меня и целует, а я целую ее в ответ и тоже щекочу, но как только появляются младшие, она вскакивает и бежит раскладывать ужин по тарелкам. Моя лучшая сестренка! Не буду скрывать – порой мне кажется, я люблю ее больше всех, хоть и стараюсь этого не показывать. Умная, добрая, рассудительная и последовательная, в меру хитрая. Ей бы я оставила все свои дела, не боясь, будь она хотя бы лет на пять постарше, но проблема в том, что она, как и я, родилась в конце мая, и сейчас ей ровно в половину меньше, чем мне. Девять – это слишком мало, чтобы вести бизнес и заправлять всем в большой семье.

Снежана вешает трубку. Я не знаю, причина в том, что она договорила, или стало слишком шумно, но она переходит к следующему действию при приготовлении коржа для торта, продолжая посмеиваться.

– Что ты смеешься? – интересуется Карина, и Снежана рассказывает забавную историю, которую ей рассказала Полина только что. Историю, которая произошла сегодня на вручении аттестатов в школе. В ИХ школе. Когда-то это была и моя школа тоже. Если бы все не повернулось так, как повернулось, я могла бы сама рассказать эту историю Снежане. Я бы была на вручении аттестатов сегодня. Я бы получила свой аттестат.

Венчик в моей голове снова начинает стучать, но на этот раз Снежана даже не взбивает, а мама подхватывает тему и сообщает, сколько тысяч учеников получили аттестаты сегодня во всей стране. Она слышала это в новостях по радио.

Карина громко спрашивает, можно ли пойти в развалины после ужина, и мне кажется, она хочет сменить тему разговора, понимая мои чувства, но тема не меняется. Мама принимается в подробностях вспоминать, как она получала аттестат.

Мне срочно надо выйти и заняться чем-то. Все равно чем. В ушах звенит, и я уже не придерживаюсь своего плана, а просто выхожу во двор. Я вижу стопку поленьев и иду в сарай за топором. Колка дров – отличный способ убрать звон в ушах и снять напряжение. А дрова, я знаю наверняка, никогда не бывают лишними.

Я устанавливаю первое полено и раскалываю его пополам. Затем каждую половинку делю еще. Я молодец, у меня все получается. Мне не нужен этот чертов аттестат! Я и без него справлюсь! Удар, удар, еще один, и еще.

Расколов примерно половину поленьев, замечаю, что за мной кто-то наблюдает, и оборачиваюсь. Он стоит, облокотившись на сарай, в той же голубой футболке и шортах, что и был с утра.

– Довольно неплохо.

– Кто тебя пустил? – возмущаюсь я.

– Три милые маленькие девочки, которых я видел с утра. Сестры?

– Нет, братья, – огрызаюсь я, – они не должны были тебя пускать!

– Но пустили.

– Что тебе надо?

Костя морщится:

– Мне было скучно, и вот.

– Теперь весело?

– Не весело, но стало интересно, – он явно забавляется тем, как я сердита.

– Пошел вон!

– Я тебе вовсе не мешаю. Ты даже меня не замечала ранее.

– У меня топор, – я пытаюсь ему угрожать, но в его глазах это выглядит слабовато.

– Шанс, что ты меня им заколешь, минимален.

– Но он все же есть, – я подхожу к нему ближе, потрясая топором, но он даже не отходит.

– Я бы сказал, один процент из тысячи.

– Процентов всего сто, тупица!

– Да ты зануда.

– Я просто умная, а ты тупица.

– Довольно спорное утверждение.

– Я не собираюсь с тобой спорить, просто уходи.

– Хорошо, Настя, – отвечает Костя и продолжает стоять на месте.

– Тебе что, заняться нечем?

– Абсолютно нечем.

– Ну так иди напейся и... м-м... в кустах. Ты помнишь схему?

Он весело усмехается:

– Не могу. С выпивкой я завязал.

– Давно ли? – удивляюсь я.

– Уже пару недель как, – он нагло врет, – конечно, случаются некоторые огрехи, но я пытаюсь.

– Сходи к друзьям. У тебя что, нет друзей?

– Есть, но все мои друзья считают, что я должен с ними непременно выпить. А ты не пьешь.

– В данную минуту я уже жалею об этом.

Я разворачиваюсь и иду к своим поленьям, показывая, что разговор окончен, надеясь, что он уйдет. Делаю пару ударов и поворачиваюсь проверить. Костя стоит на прежнем месте, и я решаю зайти с другой стороны.

– Раз не уходишь, может, возьмешь у хрупкой девушки топор и доколешь поленья? Почувствуешь себя мужчиной, так сказать.

– Что ты, – он вскидывает руки, – ты так ловко управляешься с топором, что после этого зрелища я буду чувствовать себя жалким.

– Не умеешь рубить топором? – уточняю я.

– Умею, но не так хорошо.

– Это похвала или лесть?

Он задумывается, взвешивая ответ:

– Похвала с примесью лести.

– Ну спасибо, – цежу я сквозь зубы.

– Пожалуйста.

– Я продолжу?

– Продолжай.

Мне не нужно его разрешение, и я борюсь с соблазном метнуть топор и возвращаюсь к полену. Решаю просто не замечать его. Заканчиваю колку дров и вешаю топорик обратно в сарай. Собираю щепки, но Костя не уходит, а рассматривает моих кур в загоне.

Возвращается Сашка, он неуверенно здоровается, переводя взгляд с меня на него.

– Константин, – этот нахал имеет наглость представиться и по-мужски протянуть руку моему младшему брату.

– Саша, – брат не уверен, стоит ли пожимать ее, но пожимает, и дальше у них завязывается разговор.

Сашка сначала робеет, но постепенно становится увереннее и как будто даже больше. Я смотрю на это зрелище и не понимаю, что этот Константин здесь делает? Может, он маньяк и караулит меня, когда я останусь одна и без топора? Неужели действительно спасается от пьянства?

Я залезаю в курятник и чищу его. Вообще-то сегодня день подвала, и мне нужно туда, но боюсь, что он увяжется следом, поэтому занимаюсь курочками. Долго вожусь в курятнике, и Сашка уже ушел, а Костя нет. Сидит на низкой садовой табуретке и молча наблюдает за мной. Когда я наконец заканчиваю, уже девять, и для всех работ во дворе становится темновато, но он по-прежнему тут.

– Я собираюсь пойти в душ и лечь спать. Ты со мной пойдешь? – спрашиваю я устало.

– Если это приглашение, то да.

– Это не приглашение.

– Я так и знал, – вздыхает Костя, а затем наклоняется, целует меня в щеку, бросив: – Спокойной ночи, – и идет к калитке.

– Спокойной ночи, – отвечаю я, когда он уже дошел до нее.

Я запираю калитку, иду в дом и занимаюсь вечерними делами, гоня все мысли прочь. Про аттестат никто уже и не вспоминает, и вечер проходит мирно. Я забираюсь в кровать, долго лежу, обдумывая все произошедшее за день, и только после засыпаю.

Глава 4

Я думаю о Косте весь следующий день и поэтому почти не удивляюсь, обнаружив его в своем саду ближе к вечеру. Я не говорю ему ни слова и набрасываюсь на стоящего рядом Сашку.

– Ты зачем его пустил?

– Э-э, он же был тут вчера с тобой. Бусины, – да, да, он тоже зовет их бусинами, – сказали, что впустили его вчера, и ты не ругалась.

– Бусинам пять, семь и девять, а тебе 14, разница есть?

Брат пожимает плечами:

– Им в сумме больше, – и уходит, мол, разбирайся сама.

Я наконец смотрю на Костю.

– Привет, зачем ты пришел? – я довольно миролюбива.

Он отвечает:

– Привет, – наклоняется и целует меня в щеку. Я вспыхиваю.

– Обязательно целовать меня каждый раз?

Он морщится:

– Прости, это рефлекторно, ты красивая девушка, я мужчина.

Он разворачивается к гамаку, натянутому между двумя особо крепкими яблонями, а я вспоминаю тот разговор в машине.

– Еще скажи, что у меня красивые глаза.

Он залезает в мой гамак и устраивается поудобнее.

– У тебя красивые глаза.

Я хватаю один из колышков, которые использовала сейчас, подвязывая помидоры.

– Я сейчас проткну тебя этим колышком.

Он закидывает одну руку за голову и смотрит на меня:

– Снова пустые угрозы?

Как же он меня достал! Я размахиваюсь и кидаю колышек в него, а он его легко ловит одной рукой, вертит в пальцах и кидает мне тупым концом.

– Как-то слабовато, попробуй еще раз.

Ловлю колышек и отворачиваюсь от него, решаю вернуться к вчерашней тактике – игнорированию, поэтому снова занимаюсь помидорами. Я подвязываю каждый кустик и тайком наблюдаю за мужчиной. Сегодня я даже не надеюсь, что он уйдет. На нем спортивные шорты, белая футболка без рукавов и сланцы, и он удобно устроился в гамаке в саду на свежем воздухе. Погода прекрасная, жара спала и дышится легко и свободно, неподалеку щебечут птицы – идиллия, да и только! И он ею наслаждается в полной мере, наблюдая за мной. Что ему нужно? Зачем он снова пришел сюда? Маньяк? Так у него было больше шансов там, в машине, чем здесь, в саду. Неужели он думает, что, если будет лежать вот так без приглашения в моем гамаке, то однажды я поднимусь с ним в квартиру?

Я упорно, в своих мыслях, пытаюсь не называть его по имени, просто «он», обезличивая. Когда зовешь кого-то по имени, это накладывает свой отпечаток. Пусть будет «он». Просто на всякий случай.

Но ему все равно, что я его обезличиваю. Часа через полтора он зовет меня:

– Насть!

И я поднимаю глаза на него.

– Что?

– Ты когда-нибудь отдыхаешь?

– Когда-нибудь да.

– Прости, но ты столько делаешь, немного похоже на неврастению.

Мои ладони потеют, он заметил! Я быстро отворачиваюсь и возвращаюсь к грядке. Я уже подвязала все помидоры, взрыхлила землю и удобрила. В данный момент я пропальваю морковь. Он заметил – ну, это, пожалуй, сложно не заметить постороннему. Маньяк здесь я, а не он. Я маниакально занимаюсь всем подряд, нахожу себе любое дело, боясь остановиться, хоть часто мои действия и бессмысленны. Но проблема в том, что я действительно боюсь остановиться! Боюсь, что если остановлюсь хоть на минутку, то расслаблюсь, и что-то случится. Но больше я боюсь не этого, а своих мыслей, того, что у меня в голове, боюсь, что если остановлюсь, то буду думать больше и меня совсем затянет.

– А ты слишком мало, похоже на лень, – говорю я, поворачиваясь к нему, пока мои мысли не заигрались. Пусть раз лежит, развлекает меня разговорами.

– Это не лень, я просто отдыхаю, набираюсь сил, так сказать.

– Хорошо тебе.

– Да, неплохо, – он потягивается как кот, не замечая сарказма. Или специально его игнорируя.

– А чем ты обычно занимаешься? – интересуюсь я чисто для поддержания разговора.

– Многим, – уклончиво отвечает он. Я не отстаю:

– Чем же?

– Перекладываю бумажки в штабе, ничего интересного, – зевая, врет он.

– Как интересно, а я хожу по танцам, театрам и в кино каждый день.

– Мы неплохо понимаем друг друга, – он смеется.

– Но все же, чем?

Он закатывает глаза:

– Убийствами, чем же еще.

Я качаю головой, зачем только спросила:

– Прости, глупый был вопрос.

– Это просто любопытство.

Я снова возвращаюсь к грядке. Убийствами. Может, он снайпер? У него бы хорошо получилось. Он может долго лежать и ничего не делать. Но нет, он не снайпер, я чувствую это. Решаю сменить тему.

– Почему ты не едешь к сестре? У тебя же есть сестра.

– Сестра есть, но она не в городе.

– Почему ты с ней не договорился? Ведь у тебя отпуск бывает не так часто?

Он сначала молчит, обдумывая что-то, а потом говорит:

– Мой отдых оказался слишком спонтанен.

«Слишком спонтанен – как это?» – задаюсь я вопросом. Может, он был ранен и его направили на лечение? Но он совсем не похож на раненого. Какой еще может быть спонтанный отпуск, если служишь по контракту?

– Неужели тебе не хочется заняться чем-нибудь еще?

Он задумывается.

– Я бы съездил на охоту.

Надеюсь, он не заметил, как я вздрогнула. Он все же маньяк. Он сам сказал, что занимается убийствами и в свой отпуск ему хочется убивать. Но у меня, похоже, проблемы с чувством самосохранения. Я думаю об оружии и о том, что он умеет стрелять. Умеет то, что я не умею, а как мы помним, снайперу нужно уметь стрелять.

– Интересно, я бы тоже съездила на охоту.

Он хохочет.

– Что смешного?

– Знаешь, видя, как ты филигранно обращаешься с топором и маниакально работаешь, я бы тебя не взял.

– А на медкомиссии меня признали абсолютно здоровой, у меня справка есть.

– Потому что они там идиоты.

Мы уже смеемся вместе.

– У меня нет ружья и разрешения на стрельбу, но я могу предложить полюбоваться закатом вместе. Я знаю красивое место.

Серьезно? Я стою здесь вся потная и грязная, в рабочем комбинезоне и старой футболке, с растрепанными волосами, а он предлагает свидание?

– На закат я и сама могу посмотреть, – гордо заявляю я, отворачиваясь.

Я вижу, как к нам в сад устремляется Машутка, и она тащит тяжелую книгу сказок, наверное, хочет, чтобы я ей почитала. Но она идет не ко мне.

– Привет! – она останавливается прямо напротив лежащего в гамаке мужчины, – я Маша, маленькая сестренка Насти.

– Я Костя, – говорит Костя, нет-нет, говорит ОН и пожимает ее маленькую ладошку.

– Ты мне считаешь? Все заняты, и некому мне почитать, – мне не видно ее лица, но я предполагаю, что сейчас она смотрит на него своим самым жалостливым взглядом.

– М-м, хорошо, почему бы и нет.

Он садится в гамаке и берет у нее книжку. Машутка забирается к нему рядом. Он уже готов читать, но недооценивает моих сестер.

Машутка кричит что есть мочи:

– Наташа, Кари! – так она зовет Карину, – он согласился почитать!

И девочки, смеясь, вылетают из-за сарая и бегут к нему. Они облепляют его со всех сторон, а он лишь смеется и принимается читать. Читает на разные голоса и добавляет новые сюжетные моменты в сказки, которые не только я, но и мои сестры знаем наизусть, чем приводит девочек в полный восторг. Я замираю, я просто стою и смотрю на них: на мои бусины, хохочущие от восторга, на него, на его веселое лицо, сейчас он похож на беззаботного озорного мальчишку и меньше всего на человека, занимающегося убийствами.

Сказки сменяют друг друга, и книжка заканчивается, но веселье – нет. Он заявляет, что он, Костя, – грозный волк и щипает Машутку за животик. Она визжит и вскакивает, прячась за деревом, Наташа и Карина бегут за ней. Костя вскакивает следом, отбросив книжку в сторону, и рычит:

– Я грозный серый волк, я съем трех маленьких поросят!

Девочки бегут от него в рассыпную, громко визжа и хохоча. Так они носятся по саду, а я хочу сказать им, чтобы были аккуратнее, не потоптали грядки. Хочу сказать, но не могу. Это безумное веселье меня заворожило. Такого здесь у нас давненько не было. Пусть веселятся, смеются, это им надо, они же дети.

Это надо и мне. Мне надо как можно больше вот таких вот беззаботных моментов, пока я совсем не свихнулась. И поэтому, когда он подкрадывается сзади и хватает меня с криками: «Большой поросенок!» – я тоже визжу и хохочу, а он кружит меня, пока мы вместе не падаем на клочок газонной травы. Бусины, тяжело дыша, брякаются рядом.

Мы лежим так, посмеиваясь, и Костя берет меня за руку и переплетает наши пальцы. И сжимает. Совсем как тогда. Я смотрю на его лицо: сжимает ли он челюсти в этот раз? Но нет, он смотрит куда-то в небо, и его взгляд безмятежен. Почему-то понимаю, что это веселье нужно было не только мне и бусинам, но и ему. Возможно, даже больше, чем мне.

Смотрю на часы, почти девять. Бусинам уже давно пора чистить зубки, купаться и ложиться в кровати. Они нехотя встают, и я встаю следом, высвобождая пальцы. Он тоже поднимается. Вместе мы подходим к дому, и бусины говорят ему: «До свидания» и идут к двери, но на крыльце Машутка оборачивается:

– Приходи завтра, еще поиграем.

Ни он, ни я не успеваем ответить, а она уже скрывается за дверью.

Я веду его к калитке.

– Она сказала глупость, – говорю я.

Он неопределенно хмыкает, наклоняется и целует в щеку.

– До завтра, – говорит он, и я машинально отвечаю:

– До завтра.

Калитка неприятно скрипит, когда он уходит.

Зачем он приходил? Для чего лежал в моём гамаке и читал девочкам? Зачем он играл с ними, будто ребенок? Может, он маньяк, которому нравится щипать детей за животики? Глупость какая! Разве ему не хочется, как всем тем, кто приезжает в столицу в отпуск, отдохнуть, выпив и проведя время с хорошенькой смеющейся девушкой? Кровать крепкая, не скрипит. Так что же он валяется в моем гамаке, а не опробует свою кровать с какой-нибудь девицей? Или опробует, найдя подходящую по дороге к себе в квартиру. У него для этого есть целых три часа до комендантского часа, а зная современных девушек, это довольно много. Не мне судить о них, здесь все привыкли жить слишком быстро. Иначе нельзя, ведь смерть всегда рядом.

Как только вспоминаю о смерти, воют сирены, будто в доказательство моим словам. Я бегу в дом, где сестры уже топают по ступеням в подвал. Саша помогает маме спуститься, и я подхватываю ее под вторую руку.

В подвале все наши движения отточены до мелочей. Мы знаем правила этой игры. Если воют сирены – это надолго, не стоит обманывать себя. Саша зажигает свечу, и свет в ту же секунду гаснет. Мы раскатываем свои матрасы и располагаемся. Никаких лишних разговоров, охов и вздохов, даже мама молчит, хотя я знаю, что спать на полу на матрасе ей с ее больным бедром невыносимо неудобно. Завтра весь день она проведет в кровати.

Как только все расположились, Саша тушит свечу. Нет никакого смысла жечь ее, если мы собираемся спать. Мы молчим, и каждый думает о своем. Машутка прижимается ко мне, и я ее обнимаю. Все хорошо, это просто еще одна ночь в подвале. Я думаю о самолетах, летящих над нами, бомбах, дронах и беспилотниках. Интересно, что чувствуют те, кто их запускает? Понимают ли они то, что убивают не только военных с оружием в руках, но и нас, простых мирных жителей, детей и инвалидов. Тех, кого, считается, все должны защищать. Возможно, они думают, что так они защищают своих детей, ведь Креславия точно так же закидывает бомбами их улицы, их простых людей. Неужели они ничего не чувствуют? Просто убивают, а как их смена заканчивается, идут отдыхать, курят и пьют, играют в карты, смеются, обнимают любимую и целуют детей.

Я вспоминаю о человеке, чья работа – убивать, о том, который сегодня бегал за моими бусинами, изображая волка. Интересно, скольких он убил? И продолжает ли что-то чувствовать, убивая каждый день, триста тридцать дней в году? В отпуске же он не убивает, верно? А если так проходит не год и не два, а в его случае весьма вероятно, что все десять, остаешься ли ты человеком? Настоящим человеком, который оберегает и защищает, заботится и любит кого-то. «Я мужчина и вполне могу помочь тебе». Возможно, это ему надо было донести мои сумки, больше, чем мне. Почувствовать себя мужчиной, человеком, а не машиной для убийств. Или я все придумываю, и он просто пытается затащить меня в постель? Я его задела, я видела, что задела, тем, что отказала, и он решил добиться своего любой ценой просто потому, что не любит проигрывать?

Утром мы поднимаемся в дом и бросаемся к окнам смотреть, хотя и так знаем, что ни один снаряд не упал на нашей улице. Упал бы – мы бы почувствовали, мы это точно знаем. За окном все спокойно и тихо. Снежана крутит ручку радио на кухне, желая узнать новости. Саша помогает маме пройти в ее комнату и укладывает ее в постель. Бусины, еще сонные и тихие,

идут в свою комнату и плюхаются на кровати. Я иду в душ и смываю с себя все: вчерашнюю грязь, пот и дурные мысли.

Мы завтракаем втроем: я, Снежана и Саша, бусины и мама снова уснули. Я спрашиваю о новостях, и Снежана рассказывает, что ничего не разрушено. Это хорошо. Чем спокойнее в городе, тем лучше идет торговля. И можно не волноваться, что в дом одной из моих клиенток попала бомба и она больше не будет делать заказ. Убеждаю себя, что меня волнуют заказы, а не клиентки. Хотя каждую из них я знаю по имени, а когда знаешь кого-то по имени, это уже не просто кто-то, это именно этот человек.

Вспоминаю, как мы со Снежаной резали Борьку. Борька был поросенком. Настоящим маленьким поросенком, которого мне посчастливилось заполучить. Мы откармливали его целых два месяца, а потом зарезали в сарае, и обе ревели как сумасшедшие, но все же понимали – нам тоже надо что-то есть. С тех пор у нас просто козы и куры. Они просто есть, они функциональны, дают молоко и яйца и не имеют имен.

Среда идет своим чередом, а вечером снова приходит Он. На этот раз я впускаю его сама. Я говорю «привет», и он говорит «привет» в ответ, а затем наклоняется и целует меня в щеку. Он вручает прибежавшей на встречу Машутке кулек с конфетами, мои брови ползут вверх, но я молчу. Просто иду в дом. Сегодня моя очередь готовить ужин, к тому же, я придумала ему испытание – моя мама любит поговорить, и ей нечем заняться, вот пусть сегодня развлекает ее. Посторонних дома практически не бывает, так что сегодня у нее будет разнообразие.

Он знакомится с мамой. Она поражена и смущена, что я пригласила кого-то в дом и не предупредила ее:

– Добрый день... Эм... Настя не сказала мне, что у нас будут гости.

А еще она расстроена тем, что я не подготовилась сама. На мне старое выцветшее платье на пуговицах, в котором я всегда хожу дома, а волосы забраны в небрежный пучок. Я не наряжалась специально, пытаюсь показать, что не ждала его, хотя, конечно, я ждала.

Он устраивается за кухонным столом, и моя мама задает все те вопросы, которые меня волнуют. Она делает это не осторожно, а прямо, как на допросе. Она волнуется, и тут я ее понимаю, поэтому допрашивает с особым пристрастием:

- Сколько вам лет?
- Двадцать шесть.
- Служите по контракту?
- Да.
- Подписали его сразу же по окончании срочной службы или после?
- Сразу.
- Вы выросли здесь, в столице?
- Да.
- А ваши родители? Они в городе?
- Нет. У нас был здесь дом, но он разрушен.
- Ваши родители тоже служат?
- Отец военный, мама – медсестра в госпитале.

Мама продолжает расспрашивать, пытаюсь разузнать больше о его семье:

– А братья-сестры есть?

– Да, есть младшая сестра. Она за мужем, и у них есть ребенок. Старший брат погиб шесть лет назад.

Он отвечает на все вопросы быстро, не задумываясь, четко и по делу, не вдаваясь в подробности и рассуждения. А мама своим пытливым умом доходит до следующего:

– Есть ли дети, жена?

И я замираю, об этом я даже не подумала, а ведь он на восемь лет старше меня и вполне возможно, что они есть или были. Но он отвечает твердо:

– Нет.

Я выдыхаю.

Мама заканчивает допрос про семью и решает вернуться к его работе.

– Чем вы занимаетесь на службе?

Я уже жду, что он опять ответит «убийствами», но нет, ответ другой:

– Всем понемногу. Иногда просто дурака валяю.

Его ответ смешит Снежану.

– Надо же! А я думала, все, кто были на войне, так и норовят похвастаться своими подвигами!

А ведь правда, они все, пытаюсь познакомиться, хвастают, как в одиночку голыми руками разорвали с десяток вооруженных до зубов бойцов из Сантавии.

– Мои подвиги просто не так примечательны. В основном я сплю, ем, ору на кого-нибудь и снова сплю. И так по кругу. Скукота.

Ответ совсем не тот, что был вчера. Похоже, он просто не хочет шокировать мою мать. Но маму такой ответ не устраивает, она хочет допытаться до истины.

– И все-таки чем? Я не понимаю. Какая у вас должность?

Он становится серьезным, а мне вдруг делается неудобно за маму.

– Я ассасин.

– Асаси-кто? – переспрашивает мама.

И он хохочет, как шкодливый подросток.

– Никогда такого не слышала, – мама обескуражена.

Отсмеявшись, он поясняет:

– Это из компьютерной игры, я в детстве любил играть в такую. Давайте следующий вопрос, а то я сейчас придумаю себе еще какую-нибудь должность.

– Вам бы, молодежи, только посмеяться, – мама обижается.

– Простите, не хотел вас обидеть. Просто я чувствую себя на допросе, а меня учили всегда врать о своей работе.

– Почему врать?

В кухне появляется Машутка, а следом бежит и Натусик.

– Врать же не хорошо.

– Но иногда полезно, – замечает он.

– Костя, Настя тоже учит меня врать на работе, – я округляю глаза от слов сестренки.

– Правда? – он, Костя, поворачивается ко мне. И зачем только Машутка назвала его по имени? Я же решила, что он должен быть обезличен.

– Я учу не врать, а лишь чуть-чуть украшать правду.

Он не успевает мне ничего ответить, так как Снежана достает из холодильника поднос. На нем шестнадцать маленьких корзиночек с воздушной кремовой шапочкой. Я так и вижу, как у Кости загораются глаза. При таком зрелище у любого бы слюнки потекли. Он напрочь забывает о разговоре и идет к пирожным, а я стремглав бросаюсь на перерез и успеваю как раз вовремя. Костя уже тянет руку, совсем как маленький ребенок, а я бью его по руке и встаю между ним и подносом с пирожными. Все находящиеся в кухне, включая маму, покатываются со смеху над этим моим броском и его выражением лица.

– Пироженки нам есть нельзя и трогать тоже, – Натусик решается сделать пояснение, а Машутка добавляет:

– Они на продажу, а не для еды. Но можно ими полюбоваться и помечтать.

Она картинно вздыхает.

– Давай я куплю их у тебя, – Костя смотрит на меня, – умоляю, я пирожных с кремом уже лет сто не ел.

Я качаю головой.

- Они все уже проданы.
- За корзиночку я даже скажу тебе, кем я работаю.
- Так себе аргумент, – смеюсь я, – знаю я тебя, ты же опять соврешь.

Он косится на пирожные.

- И вы их не едите? Совсем? Даже чуть-чуть?

Мы отвечаем хором:

- НЕТ!

- Вот это выдержка, – он качает головой и отходит.

Мы ужинаем в приподнято-легкой атмосфере все вместе, и сырники с сушеной вишней и сметаной приводят Костю в неменьший восторг. Он рассказывает нам о безвкусной пластиковой армейской еде и с нескрываемым удовольствием уплетает каждый маленький комочек. Нас забавляет его восторг, и по окончании ужина никто не спешит выходить из-за стола, пока мама не заговаривает о войне.

- Константин, как вы думаете, почему сейчас такое затишье?

Затишье! У нас ночью ревели сирены, но это и вправду затишье. Последние месяца три не происходит ничего выдающегося. Мы ничего не захватываем и не теряем. Крупных боев нет, зачисток, разрушений и диверсий тоже. Мы все замираем и смотрим на Константина.

- Наверное, командование разрабатывает новый план, и скоро станет поинтереснее, – безразлично отвечает он.

- Но, может, это хорошо, может, они договорятся о перемирии? – наивный вопрос Снежаны его смешит:

- Договорятся о перемирии? О, это вряд ли. Для этого надо, чтобы кто-то с кем-то разговаривал. Командование, скорее, просто отдыхает. Нет-нет, не то чтобы оно уехало в отпуск. Они просто типа думают.

- А мне кажется, они просто ушли в запой, – вставляет свою версию Сашка. – А что? Говорят, все полковники и генералы те еще алкаши.

- Они просто трезвыми думать не умеют, – смеется Костя.

- А почему группа «Эпсилон» бездействует? – не унимается мама, – с той операции в шахтах от них ни слуху ни духу.

- Планируют следующую, подготавливаются.

- Слишком долго, – моя мама знает все даты назубок и уже вывела закономерности просто потому, что постоянно слушает радио, – обычно между операциями этой группы специального назначения проходит чуть больше месяца, максимум два. Сейчас же прошло больше трех, и тишина.

Костя вздыхает:

- Наверное, враги не дремлют и их всех замочили, – говорит он полушутя.

- Если бы их убили, – маме не нравится вульгарное «замочили», – Сантавия непременно бы нашла способ нам об этом сообщить, но враги молчат.

- Хм, интересный аргумент. Они бы трубили об этом, чего бы им это ни стоило. Возможно, они просто готовят крупное нападение и хотят раструбить об этом тогда, чтобы максимально подорвать дух.

По маминому лицу вижу, что она об этом не думала и теперь прикидывает, насколько это вероятно, и находит, что весьма:

- А это было бы умно. Мы же так и делаем. «Эпсилон» подрывает что-либо, и мы наступаем.

Костя смотрит на нее и не скрывает своего удивления.

- Я вообще-то только что это придумал.

– Но, думаю, вы правы! – мама довольна, у нее есть новый повод для размышления и волнения. Ох, похоже, она завтра основательно вынесет нам мозг своими причитаниями. Нужно срочно перебить эту версию.

– Да нет же! Мама, там командир просто запойный. Напился и пьяный подрался с генералом, лежит теперь, восстанавливается и планирует что-то новенькое. В метро все об этом только и говорят.

– Правда? – поражается мама, – ты нам раньше не рассказывала об этом.

– Ты просто не спрашивала, – отвечаю я и толкаю ногой под столом Костю, чтобы он прекратил смеяться. Вроде большой мальчик уже, а ведет себя как ребенок.

Позже, прощаясь с Костей у калитки, я предупреждаю:

– Не говори больше с моей мамой о войне, только если не хочешь ей сказать, что все будет круто. Она же потом накручивает себя и начинает накручивать нас.

– Хорошо, понял уже. Не буду. Есть еще запретные темы?

Я задумываюсь.

– По крайней мере, одна. Но ты о ней вряд ли заговоришь.

– Какая же?

Я прикусываю щеку изнутри, но признаюсь:

– Деньги.

Он кивает, будто и вправду понимая:

– Хорошо.

И наклоняется ко мне, но я уворачиваюсь. Я придумала, как избежать соблазна.

– И не надо меня целовать в щеку.

– Не надо? – он притворно удивляется, а затем встает, вытягивает руку и, облокачиваясь на дом так, что я оказываюсь прижата к стене, наклоняется и целует в щеку. Мне просто некуда деваться! А затем спрашивает с усмешкой: – Так не целовать?

– Да, – отвечаю я, краснея.

Он снова наклоняется и целует меня в другую.

– Может, в эту приятнее?

Я не могу удержаться от смеха и закрываю лицо руками.

– Нет.

– То есть в щеку нельзя. Ладно, – он вздыхает, – может, завтра в кино сходим?

Мама зря волновалась из-за моего выцветшего платья и растрепанного вида. Он все равно зовет меня на свидание.

– Кажется, это мы уже проходили. Ты ведешь меня в кино, а после к себе. Нет.

– Жаль, – говорит он. Наклоняется и целует меня в губы, точнее, легко касается своими губами моих, – Что? Ты сама сказала не целовать в щеку, – он посмеивается: – Ладно, пока.

Костя открывает дверь и выходит, а я остаюсь стоять, опираясь о стену дома. Что же я делаю! Сама себе сейчас я кажусь глупой, безалаберной девчонкой. Зачем только я позволяю ему целовать себя?

Костя приходит и на следующий день. Льет дождь, и мы все сидим дома. Он играет с бусинами в настолки, беседует с Сашей и мамой, говоря обо всем в позитивно-шутливой манере. Меня несколько поражает, как легко он втерся к нам в доверие. Может, он шпион? Но что он хочет найти у нас? Я холодею, вспоминая о чертежах на чердаке, но нет, это бред. Точно бред. А что, если нет? Мой папа, хоть и умер более пяти лет назад, но он участвовал в проектировании тех военных баз-муравейников, которые уходят глубоко под землю на несколько уровней со сложной подземной инфраструктурой. Даже сейчас, насколько я понимаю, они являются самыми защищенными и не пускают врага в глубь страны.

Я вспоминаю, как мы со Снежаной и Сашкой разглядывали их, изучая в свете фонарика и представляя, что было бы, если бы и у нас в доме были такие же подземные этажи. Что, если

Снежана или Саша взболтнули об этом кому-нибудь, и эта информация неведомым образом дошла до командования Сантавии? Или же нет, они просто нашли, кто участвовал в проектировании, и вышли на нас по фамилии – наша фамилия приметная. Заслали к нам своего шпиона, чтобы он нашел чертежи. Бьюсь об заклад, командование Сантавии многое отдали бы за эти чертежи. Может, лучше их сжечь, пока не поздно? А если сожгу, не будут ли они пытаться нас, ведь мы видели их?

Я вспоминаю Костю со сжатыми челюстями, и мне становится жутко. Он точно не останется перед пытками. Он шпион, иначе почему он с таким упорством не рассказывает, чем занимается? Мог бы уже и придумать какую-то легенду, но нет, просто либо отшучивается, либо не говорит.

Но чертежи я решаю не жечь. Все-таки, если дойдет до пыток, то, видя, как делают больно моим бусинам, как отрезают от них кусочек за кусочком, я точно сломаюсь и выдам все. Пусть лучше будут чертежи, он найдет их и заберет, может, тогда решит, что, если мы не замечаем пропажи, стоит оставить нас в живых, дабы не привлекать внимание. Тогда мы будем жить, как жили. Будем ли?

Вот это я себя накрутила, аж голова болит! Я вздрагиваю, когда вижу его на своей кухне на следующий день, и даже не спрашиваю, кто из моих родных его выпустил сегодня. Пока он подходит и целует меня, слава Богу, в щеку, осматриваю его, пытаюсь обнаружить оружие. Сегодня жарко, и на нем белая футболка без рукавов, а внизу темно-синие шорты. У них нет никаких особых накладных карманов, только обычные. Значит, оружия у него нет. Максимум – нож, и это хорошо, нож и у меня есть, а еще топорик в сарае. Но меня волнует, что он больше и придушить может голыми руками.

– Что такое? – спрашивает Костя.

Но я не успеваю ответить, в кухню влетает Машутка.

– Привееееет! Ты пришел! А мы уходим, – эта стрекоза выложит все что угодно.

– Куда же?

– Развозить пирожки и клубнику!

– Клубнику?

– Да, полную корзинку! – хвастает Машутка и, в подтверждение ее слов, в кухню входит Снежана с полной корзиной спелой сочной клубники, ее аромат миглом наполняет всю кухню.

– Вау! – восхищается Костя и спрашивает: – и что же, клубнику вы тоже не едите?

Машутка хихикает:

– Едим, но только некрасивые ягодки.

– Некрасивые? – удивляется Костя.

– Да, некрасивые, те, что нельзя положить в корзинку, – и добавляет, погрузнев, – сегодня мы все утро с Наташей и Кари искали, осмотрели каждый кустик и ни одной не нашли.

– Жаль, – говорит он и, не отрываясь, следит за перемещением корзинки. – Сказать, когда я последний раз ел клубнику?

– Сто лет назад? – спрашиваю я.

– Нет, тысячу!

– В таком случае ты ничего не теряешь, ты просто уже не помнишь ее вкуса.

– Ну, это как сказать.

– Ладно, извини, нам надо идти, отвозить все это, – я машу рукой в сторону Снежаны, которая уже закрыла клубнику сверху тканью и упаковывает коробки с пирожными в сумку.

– Давай я отвезу вас, я на машине.

– Не надо, это далеко, – еще чего, я не хочу снова оказаться с ним в машине один на один, – нам надо в центр.

– Могу и в центр отвести.

– Тебе что, совсем нечем заняться?

– Совсем, а лежать и плевать в потолок уже поднадоело.

Я нехотя соглашаюсь. Главным образом потому, что боюсь выпускать его из виду. Если он действительно шпион, то лучшего момента изучить дом и представить нельзя. Нас с Машей не будет, Сашка ушел пасти коз, а Натусик и Карина будут в саду, Снежана болтает с мамой на кухне, и они вряд ли заметят, если кто-то будет рыскать в доме.

Машутка в восторге! Она улыбается до ушей и устраивается на заднем сиденье, где я пристегиваю ее ремнем безопасности, предварительно положив подушку под попу, а рядом размещаются коробки с пирожными и корзинка клубники.

Я сажусь на переднее сиденье и пристегиваюсь. Костя устраивается на водительском месте и заводит машину. Мы трогаемся, и он снова нажимает кнопку, и все замки в машине щелкают. Я холодею.

Машутка на заднем сиденье весело лепечет и крутится во все стороны. Костя смеется, беззаботно болтая с Машуткой, а моя рука начинает медленно скользить в сумочку к верному другу.

Костя поворачивается ко мне на светофоре:

– Что ты так напряглась?

– Зачем ты закрыл двери? – отвечаю я вопросом на вопрос.

– Сейчас я отвезу вас в лес, а сам съем клубнику и пирожные.

Машутка хохочет:

– Возьми меня в долю!

– Идет, – смеется он.

Моя сестра готова бросить меня ради пирожного, отмечаю я в голове.

– И все же зачем?

– У тебя какая-то паранойя насчет закрытых дверей? У нас в машине ребенок, а дети шаловливы, еще откроет дверь ненароком.

Это очень разумно. Наверное, просто я схожу с ума.

– Ты легко можешь открыть свою, если хочешь.

И я действительно тяну вверх маленькую штучку, и замок щелкает, и меня немного отпускает.

– Сейчас-то чего ты так боишься? – спрашивает Костя.

Я отвечаю то, что первым приходит мне в голову.

– Вдруг ты шпион.

Костя хохочет.

– У тебя-то мне что тогда надо? Рецепт пирожного?

– Нет, – я пожимаю плечами, – не знаю.

– Для шпиона, мне кажется, я довольно приметный, ты не находишь?

– Человек в майке, шортах и сланцах? Нет.

Он хмурится:

– Я имел в виду не это.

Я поняла, что он имеет в виду. Он чертов красавчик, но этого-то я ему не скажу.

Костя включает музыку, и всю оставшуюся дорогу они с Машуткой подпевают песням и смеются. Ему почему-то очень нравится ее восторг, и я просто наблюдаю за ними.

Первым на сегодня – двор Александры Алексеевны. Ей достанется два пирожных, а женщине из второй квартиры я занесу клубнику. Мы останавливаемся перед калиткой и выходим из машины.

Костя достает корзинку по моему указанию и одну коробку с пирожными и собирается идти с нами.

– Нет-нет, – качаю я головой, – ты останешься здесь.

– Почему? – удивляется он, – корзина тяжелая, я помогу.

За меня причину с детской простотой объясняет Машутка:

– Ты большой, очень большой, с тобой мы не получим монетки.

Мне становится неудобно от такого объяснения, но оно правдиво.

Костя заминается, но протягивает корзину и коробку мне, и я звоню в домофон. Калитка открывается, и мы заходим внутрь. Идем по дорожке вперед, и я оборачиваюсь. Вижу, как Костя ссыпает мелочь в протянутую руку той нищенки с фальшивым ребенком. Идиот! Шпион бы догадался, что ребенок не настоящий! Нищенка тут же убегает, и мы идем дальше.

Разносим все, и Машутка получает пригоршни монет. Возвращаемся к машине и едем дальше. Развозить пирожные на машине – одно удовольствие, а когда на обратном пути Костя покупает нам по большому рожку мороженого, я ловлю себя на мысли, что тоже улыбаюсь без всякой причины, совсем как Машутка.

Дома мы обедаем, и Костя занимает место в гамаке. Я беру секатор и щелкаю лишние листья на винограде. Сейчас жарко, но на улице в тени деревьев все же лучше, чем дома. Вижу, как к нам крадется Снежана, и точно знаю, чего она хочет. И действительно, через пару фраз она спрашивает:

– Можно на танцы сегодня?

– Нет.

– Но почему? – возмущается она.

– Потому. Я тебе уже объясняла.

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, – канючит она.

– Нет.

– Но тебе самой было бы неплохо сходить на танцы, – она глазами показывает на Костю.

Он лежит, прикрыв глаза и положив руки под голову.

– Я не хочу!

– Тебе нужно, – парирует Снежана, – что ты будешь там вспоминать?

– Все, что было здесь, и танцы – это не важно.

Сестра закатывает глаза и, к моему ужасу, идет к Косте.

– Кх-Кх, – прочищает она горло, и он лениво открывает глаза. – Почему бы тебе не позвать Настю сегодня на танцы?

– Интересное предложение, – произносит он, – тебе-то это зачем? Я позову ее, а не тебя.

– Если пойдет она, смогу пойти и я.

– А-а, – протягивает Костя и смотрит на меня.

– Ну так позовешь?

– Нет.

Энтузиазм сестры пропадает.

– Почему? – удивляется она.

– Твоя сестра зануда, никуда не хочет. Хочет только маниакально секатором щелкать.

– Я не зануда и щелкаю, потому что надо!

– Ну конечно!

– Пристали ко мне со своими танцами! Ладно, пошли!

И через три часа мы уже идем на танцы. Подруги моей сестры сегодня не возражают против моего присутствия. Вместо возмущения они часто оглядываются на меня и перешептываются. Еще бы! Я не просто иду на танцы, а иду с мужчиной, и он держит меня за руку, и наши пальцы переплетены. Я не убираю руку, мне нравятся их завистливые взгляды, и сама рука дарит спокойствие, хотя я еще до конца не решила: шпион он или нет. Костя уже переоделся в нежно-голубую рубашку и темные брюки, а на мне легкомысленный цветочек. Представляю, как мы смотримся вместе, так что пусть позавидуют, они же всегда считали меня занудой.

Мы приходим на танцы и танцуем несколько композиций подряд. Мне нужно в туалет, и я оставляю Костю, а когда возвращаюсь, подхожу не сразу, рассматриваю его сквозь тонкую

деревянную решетку, отделяющую вход в туалетные комнаты от основного пространства кафе и танцплощадки.

Он стоит совсем рядом, но не видит меня. Кто же он? Молодой, красивый, целый, я не заметила на его теле ни одного изъяна, ни следа от пули или осколка снаряда. У него хорошие манеры, что тоже удивительно для человека, который уже восемь лет там. Он ладит с моими сестрами и Сашей, ему даже удалось поладить с мамой и, что самое удивительное, понравиться мне. А мне не так просто понравиться. Но есть в нем что-то такое, что меня настораживает, пугает. И потом, он говорит, что вырос в этом городе, но пропадает у меня дома, не встречается ни с кем. Не называет имени сестры, она просто «сестра» и о себе тоже почти ничего не рассказывает. Так, может, он всё-таки шпион?

И тут происходит неожиданное. К нему подходит мужчина:

– О, брат, ты здесь? Я уж думал, куда ты пропал!

Мужчина черноволос и смугл, и «брат» – просто обращение. Они přátельски обнимаются.

– Да вот, решил отдохнуть немного. Ты как?

– Тоже отдыхаю. Шальная пуля, брат, зашла сюда и вышла отсюда.

– О-о! Да ты везунчик.

– Ага, месяц в больничке, но уже как новенький. В понедельник отбываю. Ты когда?

– Я только приехал, не знаю пока точно.

– Понимаю, брат, понимаю. Может, завтра бухнем? Я в квартире на Носовкой, той на третьем этаже, ну ты помнишь.

Костя кивает, и я не понимаю, он помнит или согласен.

– Может, сейчас пойдем? Мы с Русиком там девочек классных сняли, тебе тоже хватит. Выпьем, посидим, все дела.

Костя качает головой и смеется.

– А, брат, понял, понял. Все, ухожу, до скорого.

Не знаю почему, но этот разговор меня успокаивает. Его знает кто-то еще, не только я. И он с ним не пошел к девочкам. Я наконец выдыхаю и расслабляюсь. Он не шпион, и чертежи его не интересуют.

Мы танцуем, болтаем и смеемся, снова пьем сок в баре, а после еще танцуем. Мне весело и хорошо, никогда бы не подумала, что танцы – это так здорово. Меня даже не смущает, что, танцуя, он прижимает меня к себе, я и сама прижимаюсь ближе.

Мы идем домой, и Снежана скрывается за калиткой. На удивление, сегодня она меня не особо волнует, совсем не волнует. Мы с Костей останавливаемся у калитки. Домой я не спешу. В голову приходит шальная мысль – мы могли бы посидеть еще в саду и поболтать. Я быстро отгоняю эту мысль в сторону. Нужно попрощаться и идти. Я хорошая девочка, старшая сестра. Я сейчас пойду домой, а он пойдет к себе домой.

Я облокачиваюсь спиной на калитку, собираюсь с духом, чтобы уйти. А он облокачивается на нее одной рукой, нависая надо мной. Второй по-прежнему держит меня за руку. Я поднимаю лицо и секунду смотрю ему в глаза. Он наклоняется, и его губы касаются моих губ, но не легко, как прежде, а настойчиво и жадно впиваются в меня. Его губы раздвигают мои, и язык проскальзывает внутрь. Я не сопротивляюсь и отвечаю, подаюсь вперед. Он целует меня достаточно долго для того, чтобы я уже и забыла о том, что я хорошая девочка, а когда отстраняется, я не хочу его отпускать, но он говорит:

– Пока, я лучше пойду уже.

Я не могу ничего сказать и лишь киваю. Стою и смотрю, как он уходит. На углу оборачивается и машет мне рукой: «Пока».

Глава 5

Костя приходит с самого утра и в субботу, и в воскресенье, и три следующих дня тоже. Валяется в гамаке, развозит со мной и Машуткой пирожные и клубнику, играет с бусинами, учит Сашку блокировать и наносить удары, беседует с мамой, он даже помогает ей спуститься по ступеням во двор. А я понимаю, что его присутствие меня успокаивает, оно мирит меня с настоящим, и я больше не маньяк, который боится хоть на секунду остановиться, а человек, девушка, которая влюбленными глазами наблюдает за парнем. По вечерам мы ходим в кино, на танцы и на набережную, где долго сидим и наблюдаем закат. Целуемся. По вечерам мы много целуемся. Целуемся и днем в саду, когда тихо и никого нет рядом. Неужели все это происходит со мной? Неужели я действительно могу влюбиться? Я, расчетливая и холодная, которая вечно всеми командует, возглавляя большую семью.

Но наступает четверг, и я вспоминаю, почему должна быть расчетливой и холодной. Костя не приходит с утра, я знаю: он и не должен прийти сегодня. Ему надо в штаб. Мне тоже. Не в тот, который ему, а в другой. Честно говоря, я даже не знаю, в какой надо ему. Мне надо на последнюю явку в военкомат, где я получу свою карту и назначение, в котором будет написано, когда и куда мне явиться с вещами.

На ватных ногах я еду в военкомат. Заполняю еще какие-то документы и сижу в нескончаемой очереди. В коридоре шумно и даже весело, и я получаю пару непристойных предложений от сидящих там парней. Не замечаю их совершенно. Сосредоточиваюсь на том, чтобы не дрожать. Мне страшно, очень-очень страшно. И когда девушка за компьютером протягивает мне мое личное дело и листочек, приветливо улыбаясь, я не нахожу в себе сил улыбнуться в ответ. Вместо этого роняю протянутую папку и трясущимися руками поднимаю ее.

Я боюсь. Очень сильно боюсь. И пока еду в метро, прокручиваю в голове все самые ужасные сценарии. Смотрю на листочек и сжимаюсь еще сильнее. Две недели. У меня осталось всего две недели, и все будет кончено. Я больше не увижу ни бусин, ни Снежану с Сашей, ни маму. Костю тоже. Я никогда его больше не увижу.

Выхожу из метро и не замечаю накрапывающий дождик. Только в колодце многоэтажек обращаю на него внимание. Что же я творю! Документы же мокнут, а я и так еду на «самое дно». Я захожу под козырек подъезда и стою там. Дождь становится сильнее, и вот уже льет настоящий ливень, так что в двух метрах ничего не видно.

Я рассматриваю документы. Они намокли не сильно, мой белый легкий сарафан тоже. Все хорошо. Дождь кончится, и я дойду до дома. Все хорошо, главное – дышать. Я уже чувствую это маниакальное чувство: мне просто необходимо чем-то заняться, как-то занять руки, чтобы не думать. Я открываю документы и начинаю изучать. Не могу занять руки, займу голову. Тут мои имя, фамилия и отчество. Код из цифр, один, второй, третий. Я запоминаю их все с легкостью, особенно тот, который самый последний – десятизначный номер военной базы, куда меня направляют, и у меня появляется иллюзия, что я хоть как-то контролирую ситуацию.

Дождь стихает, и ко мне под козырек врывается Костя.

– Сама пришла, – смеется он и жадно целует меня в губы, а я отвечаю на поцелуй.

Я не замечаю, как мы заходим в подъезд и поднимаемся на второй этаж. Целуемся и обнимаемся на каждой ступеньке. Он открывает дверь, и мы вваливаемся внутрь. Мои документы, сумочка и его вещи летят на пол. Мы не прекращаем целоваться и по стене добираемся до комнаты. Я совершенно не обращаю внимания, что в ней, чувствую только, как бретельки моего сарафана ползут вниз, как и его губы.

Сарафан падает на пол, а меня аккуратно кладут на кровать. Костя стягивает футболку и целует меня в губы, а затем спускается ниже, накрывая поцелуями мою грудь. Он втягивает ртом сосок, и я вся дрожу, выгибаясь. Трусики летят в сторону, его шорты и трусы тоже. Костя

шуршит оберткой презерватива, я вдруг вспоминаю, кто я, и говорю «нет», это не мое резкое «нет», но он все же останавливается, замирает на секунду, я смотрю ему в глаза и шепчу «да». Он входит в меня, и я тихонько вскрикиваю, но он снова целует меня и двигается неспешно, так что я выгибаюсь дугой и постанываю. Постепенно толчки нарастают, усиливаясь, и я уже не контролирую ничего, растворяюсь в своих ощущениях, будто взрываюсь изнутри.

Когда он заканчивает, то вздрагивает всем телом, впиваясь губами в мои губы, и я дрожу вместе с ним. Он замирает и лежит на мне, а затем откатывается на спину. Я просовываю руку между своих бедер, а затем смотрю на нее. Капли крови поблескивают, но ему хватает такта промолчать, он лишь наклоняется и целует меня в губы, уже не жадно, а устало.

– Пойдем в душ?

Я киваю. Он встает и протягивает руку, а я качаю головой.

– Иди первый.

Он уходит. Я лежу еще пару минут, а затем поднимаюсь и собираю свои вещи: трусики, сарафан и сумочку. С этим иду в ванную, откуда он уже выходит. Я захожу внутрь и закрываю за собой дверь. Долго рассматриваю свое отражение в помутневшем зеркале, вроде бы и не изменилась совсем. Принимаю душ и тщательно вытираюсь. Медленно расчесываю волосы, когда Костя стучит в дверь.

– Эй, ты скоро? Извини, мне ехать пора.

Я вздрагиваю: ему пора ехать! Человеку, который только и делал, что валялся в моем гамаке, пора ехать! Ну конечно, он же получил что хотел! Выхожу из ванны и поднимаю документы. Он уже стоит, одетый в футболку и шорты, позвякивая ключами.

Выходим из подъезда, и я говорю:

– Я дойду сама.

– Давай я довезу тебя?

Я качаю головой, дождь кончился, и мне надо пройтись и побыть одной, прежде чем я окажусь дома. Он быстро соглашается:

– Как хочешь. Я вечером заеду, пока не знаю во сколько.

Целует меня, садится в машину и уезжает, а я остаюсь.

Я иду домой медленно, растерянно. Так медленно я обычно не хожу. Не доходя до моего дома, сворачиваю в развалины. Сажусь на старые качели, прижимаю папку с документами и сумку к себе и легонько качаюсь.

Сколько так просидела – не знаю. Меня находят бусины. Они втроем замирают и растерянно останавливаются, увидев меня на качелях. А я быстро начинаю вытирать слезы. Достая платок из сумочки и высмаркиваюсь.

– Что случилось? – шепчет Карина, обнимая меня.

Я качаю головой.

– Ничего, я просто разнервничалась. Ходила в военкомат, получила документы, назначение, и разнервничалась, – я показываю на папку, и она кивает.

– Когда? – только и спрашивает Карина.

– Через две недели, – я стараюсь, чтобы мой голос не дрожал, и обнимаю ее, Натусика и Машутку.

Мы вместе возвращаемся в дом, и я снова прячусь в ванной. Принимаю душ, меняю белье и больше не плачу.

Выхожу из ванной и понимаю, что маньяк вернулся, запер девочку, просидевшую два часа на качелях, в чулане, и снова взял бразды правления в свои руки. Мне срочно надо что-то делать. А лучше кого-нибудь убить. Я посматриваю в сторону кур и пугаюсь своих мыслей. Спускаюсь в подвал и проверяю кусты клубники. В подвале у меня целое хозяйство по выращиванию клубники. Я щелкаю выключателем и меняю свет ламп на обычный. Проверяю каж-

дый кустик, рассматриваю ягоды и прикидываю, сколько килограммов получу на следующей неделе. После бросаю нож в деревяшку снова и снова, и каждый раз попадаю в десятку.

Хочу поколоть дрова. Сашка притащил пару дней назад хорошие бревна. Поднимаюсь наверх, но обнаруживаю, что снова пошел дождь, а также то, что у моей матери напрочь отсутствует чувство такта.

– Видишь, сегодня он не пришел. Уже восемь вечера, а он не пришел совсем. Мужчины не любят слишком серьезных, им нравится, когда для них наряжаются, когда девушка следит за собой. А ты при нем разгуливаешь в облезлом платье и комбинезоне.

– Мама, зачем ты так! – вмешивается Снежана.

– Зачем-зачем, она сама не живет и другим не дает.

Пока маньяк только лишь в моей голове протыкает мою мать ножом, я выбегаю из кухни. Мне нужно успокоиться, занять руки и голову. Иначе я ее просто убью. Задушу голыми руками.

Я прохожу в гостиную, достаю большую энциклопедию с полки книжного шкафа и открываю ее. В этой книге у меня вырезан тайник. Достаю конверты, в них деньги. Деньги, эти шуршащие бумажки, всегда меня успокаивают. Меня успокаивает то, что они у меня есть. Они как доказательство, что я смогла, что мы больше не голодаем и нам есть чем оплачивать счета.

Я усаживаюсь на пол и раскладываю конверты перед собой, достаю деньги. В одном – на продукты на ближайший месяц. Во втором – на одежду и обувь для всех к школе. В третьем – на лекарства для мамы. Четвертый пуст, за дом я уже заплатила, но на следующей неделе снова наполню.

В последнем – самая большая сумма. Я еще раз пересчитываю и ощущаю тепло в кончиках пальцев. Здесь достаточно для того, чтобы моя семья прожила полгода в случае, если клубника загниет, а пирожные перестанут заказывать. Сумма достаточная, чтобы они смогли прожить полгода без меня и каких-либо денег со стороны. Я наконец улыбаюсь.

– Здесь достаточно? – спрашивает Кари, устраиваясь рядом со мной.

– Да, мы молодцы, мы достаточно отложили, и у вас есть хорошая подушка безопасности. Она довольно обнимает меня.

– Главное, следить, чтобы Снежана не спустила все на туфли.

Из кухни прилетает Снежана:

– Это было один раз, и ты до сих пор помнишь!

– Я очень надеюсь, что больше не повторится. – Я слышу, как мама шаркает в нашу сторону. – Видишь надпись на конвертах? Они должны идти туда, куда написано.

Снежана закатывает глаза:

– Да, я помню! Ты уже говорила.

– Значит, проблем не будет, – улыбаюсь я.

– Конечно, не будет, – она снова закатывает глаза, а Карина обнимает ее:

– Я буду за ней следить.

Появляется мама. Она с трудом опускается в свое кресло и кряхтит, устраиваясь. Я боюсь, что еще она скажет, поэтому еще раз пересчитываю деньги. Просто потому, что меня это успокаивает и вдруг слышу: «Здрасьте». Резко оборачиваюсь. Костя с Сашкой стоят на пороге комнаты.

– Са-ша, – угрожающе протягиваю я и начинаю быстро-быстро собирать деньги. Надеюсь, Костя ничего не скажет, мы же договорились, что тема денег запретна. Но он и не смотрит в мою сторону. Краем глаза замечаю, что Костя прошел в комнату и подошел к столу, на котором по-прежнему лежит папка с моими документами. Он открыл мое личное дело и заглянул внутрь.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Хочу узнать, какая у тебя фамилия.

– Для этого можешь спросить у меня, – я встаю и вырываю у него из рук мое личное дело, хотя сама не понимаю зачем, никаких секретов там нет.

– И какая? – его ничего совершенно не смущает.

– Талинова. «И» после «л».

– Талинова, – повторяет он, будто пробуя на вкус, – у тебя забавная фамилия.

– Да уж, обхохочешься.

Я кладу папку на стол и возвращаюсь к деньгам, а Костя снова бесцеремонно в нее заглядывает.

– А сейчас что? Отчество?

– Нет, смотрю, куда тебя направили.

– 3327856347. Это тоже можешь спросить у меня. Все, что там, можно спрашивать у меня.

– Ты уже и номер выучила? Похвально.

– И тебе он о чем-нибудь говорит?

Костя уже не смотрит на меня, а что-то набирает на планшете. Я только сейчас его замечаю. Такие часто бывают у военных, и с их помощью они посылают сообщения друг другу. У нас есть только проводной телефон, а у военных – вот такие планшеты с защищенной связью. Сейчас они для избранных, даже среди военных, но мама нам рассказывала, что раньше, намного раньше, подобные были практически у всех совершенно обычных людей.

– О чем-то говорит.

– И о чем же?

Он не отвечает, а у меня звенит в ушах. Он знает, где это, и потому на меня не смотрит! Смотрит в планшет, чтобы не смотреть на меня!

– Скажи хоть, где это? Север, юг, запад, восток?

Он морщится, смотрит на меня и отвечает:

– Юго-запад.

Мое сердце падает вниз. Это очень близко к линии фронта, вполне возможно, что прямо на ней.

– Ясно, – говорю я и принимаюсь собирать деньги, а мои руки дрожат.

– А это далеко от линии фронта? – интересуется мама.

– Смотря как посмотреть, все относительно, – уклончиво отвечает Костя.

– Но все же. Мы же должны знать, что ее ждет.

– Даже я не знаю, что меня ждет, а уж Настю-то и подавно.

Я наконец собрала все деньги и спрятала в книгу.

– Юго-запад, ясно, что ничего хорошего.

– Почему? Там весьма неплохо. Не хуже, чем везде. На востоке ты бы получила облучение, так что юг лучше.

– Ага, солнышко светит, птички поют.

Он смеется:

– И море рядом, прямо курорт.

– Константин, а вы где служите? – спрашивает мама, – север, юг или запад?

Он заминается:

– М-м, довольно сложный вопрос. Скорее больше запад, чем все остальное.

– Скорее? – удивляет Саша.

– Я просто не знаю, куда меня направят, и надеюсь, что на запад.

Я сжимаюсь: на западе идут самые ожесточённые бои.

– Ты так любишь стрелять? – спрашиваю я.

– Я люблю свою работу и людей, с которым работаю. Когда ты там столько лет, страшнее, если автоматные очереди стихают.

– Когда вы уезжаете? – спрашивает мама, и мое сердце уходит в пятки.

– Через неделю. В пятницу.

В пятницу он уезжает раньше, чем я. Неделя, у нас есть всего неделя.

– У вас долгий отпуск, – замечает мама.

– А я и не в отпуске вовсе. Меня выгнали подумать над своим поведением.

– За что же?

– За драку, – просто отвечает Костя.

– И с каких это пор за драку просто выгоняют отдыхать на гражданке? – изумляется мама.

Костя посмеивается:

– У них просто сложности с придумыванием наказания для меня.

Кажется, он опять шутит над моей дотошной мамой. Не может же это быть правдой! И я закатываю глаза, показывая, что он достал уже своим враньем.

После дождя свежо, и мне хочется сбежать из дома и поговорить, поэтому я соглашаюсь пойти прогуляться. В машине мы едем молча и заезжаем в его двор. Там опять пьяные подростки гоняют по разбитому асфальту мятую банку из-под пива. Мы заходим в подъезд и поднимаемся на второй этаж. Он открывает дверь в квартиру и пропускает меня вперед. Я вхожу. И только там, в квартире, решаюсь задать вопрос:

– Мы собирались погулять, но приехали к тебе. Ты всего добился, и теперь можно обойтись и без прогулок, и без приличной части?

Он смотрит на меня удивленно.

– Мне вообще-то надо переодеться. В шортах и сланцах мне прохладно.

Я смотрю на него, и мне становится стыдно. Я глупая дура! А он придвигается ближе:

– Но если ты хочешь, можем никуда не идти, – его голос звучит вкрадчиво прямо в самое ухо, и он целует меня в шею, – кровь идет?

Я вздрагиваю:

– Нет.

И поцелуи из робких и аккуратных становятся смелыми и настойчивыми. Он не переодевается, а раздевает меня. Снимает блузку и лифчик, покрывая каждый сантиметр моей кожи поцелуями. Несет меня в комнату и опускает на кровать. Кровать перестелена, наверное, он успел убрать испачканное белье, пока я была в душе днем. Спускается поцелуями до пупка, а затем расстегивает джинсы. Его рука проскальзывает в трусики, и я охаю. Он стаскивает с меня джинсы, и я приподнимаю бедра, помогая ему.

В этот раз, когда мы заканчиваем, то долго лежим рядом. Я положила голову на его плечо. Мне хорошо, тихо, спокойно и уютно. Я устала и дремлю, пока он меня обнимает и задумчиво водит рукой по моей спине.

Просыпаюсь от поцелуя и щурюсь, пытаюсь понять, где я.

– Тебе пора домой, спящая красавица.

– А? – я еще до конца не проснулась.

– Уже одиннадцать, пора домой. Скоро комендантский час.

Я все еще сонная одеваюсь, кое-как причесываю спутанные волосы. Мы идем в коридор, и я прислоняюсь к стене, зеваю.

– Дойдешь сама, хорошо?

Я не определенно киваю, но затем понимаю смысл слов и выпрямляюсь. А он смеется.

– Ну вот ты и проснулась.

Костя к джинсам надевает толстовку, и мы выходим из квартиры. Он отвозит меня домой и целует на прощание. Он не прав, я еще не проснулась, поэтому захожу в дом и брякаюсь на кровать, не раздеваясь, боясь, что сон уйдет, а тревога и мысли вернуться.

Костя приходит ко мне все последующие дни с самого утра. Валяется в гамаке, пялится в свой планшет и кому-то пишет. На вопрос «кому?» отвечает охотно: «Друзьям». Выходит, там

есть друзья, нет только любви. С большой охотой объясняет мне принципы жизни новобранца и устройство жизни на срочной службе во время обучения. Рассказывает забавные истории из своего детства и юности. У его сестры наконец появляется имя – «Ева», и я узнаю, что он учился в кадетском корпусе. Мне кажется, что он стал говорить о себе с большим желанием. Будто сам понял, кто он, но, возможно, мне это лишь кажется.

Он интересуется тем, где мы выращиваем столько клубники, ведь клубничные корзинки мы возим почти каждый день, и я рассказываю о клубничной ферме в подвале. «Ух ты, круто!» – восклицает Костя и, к счастью, не спрашивает, как она там появилась.

Все мои домашние его просто обожают, и то, что своим присутствием ему удастся утихомиривать моего маньяка, заставляет их любить его еще больше. Всю неделю я не повышаю голоса ни на кого из домашних и позволяю им все. Вечерами мы с Костей уходим гулять, но на самом деле – к нему в квартиру.

Неделя проходит слишком быстро. Уже вечер четверга, и мы лежим в кровати, обнявшись. Это наш последний вечер. Костя задумчиво перебирает пальцами мои волосы, а я пытаюсь не заплакать.

– Спишь? – наконец спрашивает он.

– Нет, – гнусаво отвечаю я.

– Хорошо.

И снова молчит. Пропускает прядь за прядью сквозь пальцы, и я решаюсь спросить, поворачиваю голову и смотрю на него:

– Ты не оставишь мне адрес, чтобы я могла написать тебе?

– Нет, – он морщится, – я же сказал, что не знаю точно, где буду. Да к тому же не стоит мне писать. И тебе, и мне будет чем заняться и без этого.

Он произносит это жестко и даже жестоко.

– Хорошо.

Я пытаюсь отстраниться, но Костя удерживает меня.

– Ты меня не так поняла.

– Нет, поняла правильно, – мой голос дрожит.

– Настя, нет. Просто там мне надо думать о работе, о своей работе, а не о любви и отношениях. Поверь мне, так будет лучше и тебе, и мне.

Я встаю и начинаю одеваться, промедлю хоть секунду – и потока слез не избежать. К счастью, он не пытается меня удержать, а тоже одевается. Уже в коридоре мы останавливаемся.

– Настя, послушай. – Костя берет мое лицо в свои ладони и приподнимает, так что я смотрю ему в глаза. – Там я не добрый и веселый, запомни это, там я совершенно другой человек. Если мы вдруг столкнёмся где-либо, не подходи. Поняла? Не подходи первая, я сам подойду.

Он наклоняется и целует меня в губы. Я вся дрожу, и он прижимает меня к себе.

– Ты поймешь, когда приедешь туда. Так будет лучше. Я сам тебя найду, если все будет хорошо. А оно будет, я точно знаю, что у меня получится.

Я хочу закричать: что будет хорошо? Как ты меня найдешь там? Но вместо этого плачу. Слезы градом льются из глаз, а тело сотрясает от всхлипов.

Позже, когда мы стоим у калитки перед моим домом, решаюсь задать вопрос, цепляясь за соломинку, чтобы увидеть его еще:

– Во сколько ты уезжаешь?

– В шесть утра.

Сердце щемит. Он наклоняется и целует меня в последний раз. Поцелуй долгий и страстный, я прижимаюсь к нему, а он ко мне. Затем он отпускает меня, смотрит в заплаканные глаза и говорит:

– Главное, помни: настоящее – ТУТ, а не там.

Разворачивается и идет к машине, останавливается у водительской двери и смотрит на меня, машет «пока». А затем садится и уезжает.

– До свидания, – шепчу я и сползаю вниз по калитке.

Меня находит Снежана, она помогает зайти во двор, и мы идем в сад на гамак. Я реву всю ночь, а она носит мне платки и воду, просто сидит рядом, гладит по голове и шепчет успокаивающие слова. Утром она управляется со всем одна, пока я сижу в оцепенении.

Оцепенение постепенно проходит, и возвращается маньяк, который ни минуты не может просидеть без дела. И я делаю и делаю. Колю дрова, кормлю кур и убираю курятник, проверяю коз, иду в подвал к клубнике, подметаю двор и составляю план жизни моей семьи без меня. План, по которому они должны жить дальше, если меня не будет. Точнее, пока меня не будет.

Я пишу им четкие инструкции, как ухаживать за курами, как обходиться с козами, как растить и продавать клубнику. Пишу, как дороже продать гроздь винограда и собрать их красивыми, ровными, ягодка к ягодке. Пишу, что сделать с яблоками и как их продать. Оставляю все адреса и телефоны тех, кто что-либо покупал у нас. Рассказываю, как найти новых клиентов, как платить за дом и телефон. Пишу полный список вещей, которые должны быть у каждого к зиме. И список того, что надо сделать к зиме в доме.

Мои родные на удивление спокойно выслушивают мои наставления, хоть слышали их и не раз. Они понимают, что я цепляюсь за свое настоящее и боюсь отпускать его. Снежана даже не просит сходить на танцы на этой неделе, вместо этого по вечерам мы валяемся с ней в постелях в своей комнате, и она рассказывает мне истории про своих одноклассников и подружек.

Контроль над деньгами и бизнесом я оставляю Сашке. Снежана не возражает. Она и сама знает, насколько ненадежна. Бусины обещают мне хорошо учиться сами и научить читать и писать к школе Машутку. Они обещают писать мне каждую неделю, ведь армейская служба не предполагает звонков по телефону, только письма на бумаге, и все.

Мама часто плачет, как и все в доме, и у меня нет сил ее утешать, поэтому я просто обещаю вернуться живой и тихо плачу сама в подушку.

Ко дню отъезда слез уже не осталось. Я прощаюсь с семьей и целую каждого в щеки на ступеньках дома. В руках у меня небольшая дорожная сумка, купленная специально для такого случая. Я иду в метро и добираюсь до станции, от которой меня забирает военный автобус в соответствии с моим направлением. Он везет меня за огороженную колючей проволокой бетонную стену, и я смотрю в окно, как дверь медленно отъезжает в сторону, пропуская нас внутрь.

Небольшой досмотр, где меня и вещи просвечивают, и мне выдают форму, в которую я тут же переодеваюсь: обтягивающую черную майку, брюки и черную куртку с белой полоской на рукаве. На мое запястье цепляют электронный браслет. Он черный, блестящий, и, защелкиваясь на запястье, высвечивает цифры «718765783498» – мой индивидуальный номер и тут же гаснет. Через этот браслет я ближайшие два года буду получать все приказы, такой же носит и Костя, и все другие военные, каких я только видела.

Дальше я сливаюсь с толпой таких же новобранцев. По длинным узким коридорам нас ведут в самолет, и я сажусь рядом с рыжеволосой девушкой. Смотрю через открытую дверь на эхолокационную башню и понимаю: «Тут» кончилось. Начинается «Там».

ЧАСТЬ 2: ТАМ. Глава 6

Самолет взлетает, и меня прижимает к спинке сиденья. Я стараюсь не думать о страхе, заполняющем изнутри, и рассматриваю свою черную куртку. На первый взгляд она совершенно обычная, но стоит чуть потянуть ткань на рукаве, и я вижу голубоватую сетку инновационных технологий. Моя куртка не так проста, как кажется. Стоит натянуть капюшон и расправить сетку, которая спрячет лицо, и я стану практически неразличимой ни для приборов ночного видения, ни для тепловизоров. Эта ткань как будто поглотит все, а также защитит меня от мелких повреждений. Это ли не доказательство, что я действительно отправляюсь на юго-запад? У военных в тылу форма проще, без всяких дополнительных опций.

В салоне самолета во время полета стоит гомон и хохот. Еще бы! Если собрать вместе столько восемнадцатилетних парней и девушек, веселье обеспечено. Парни активно знакомятся и красуются, а девушки от них не отстают. Моя рыжеволосая соседка по креслу на удивление серьезна и с вопросами не лезет. Ее зовут Оля, и мне она уже нравится. Она не похвастается своими достижениями и не знакомится с парнями, и, когда я спрашиваю ее, не страшно ли ей, она лишь пожимает плечами: «Не особо», и я признаюсь, что мне страшно, на что она говорит:

– Не бойся, это наш шанс.

Мы больше не разговариваем, а я думаю, шанс на что? Умереть молодыми и красивыми? Возможно, в этом самолете только мне страшно, а остальные воспринимают все как данность или как шанс. Возможно, они даже хотят проявить себя. Совсем как мой брат, который только и мечтает, как пойдет убивать врагов в Сантавии.

Возможно, эта девушка с фарфоровой кожей, большими зелеными глазами и россыпью веснушек на носу училась в престижной школе или даже академии, и о том, кем хочет стать на военной службе, знает давно. Здесь же не все едут, как я, на «самое дно». Из разговоров я понимаю, что большинство из них образованны и имеют хорошую спортивную подготовку. Вон там, через три кресла от меня, парни хвастаются черными поясами по карате и тем, что окончили военную академию с отличием, а девушка с выбритым на виске кинжалом воинственно кричит, что порвет всех Сантавийцев. Они профи, они действительно хотят воевать, хотят стать героями и, наверняка, мечтают, что их портреты напечатают в газете. Хорошо, если это сделают при их жизни.

Я не питаю иллюзий. Моя цель – просто выжить, как-то пережить эти два чертовых года и вернуться к семье. Я не хочу стать героем, убить всех врагов и закончить войну. Я не верю в то, что я и какие-либо мои действия могут закончить войну. По сути, я никто, и думать мне надо только о себе и своей семье, о том, как выжить. Мой внутренний маньяк поможет мне в этом. Он уже запер наивную глупую девочку, а вместе с ней и все чувства, и я готова биться, чтобы выжить.

Самолет приземляется. Все сразу смолкают в ожидании дальнейших указаний, и я замираю. Я включаюсь на все 100%, чтобы ничего не пропустить и не ошибиться. Я знаю, я изучила правила, и не могу позволить себе ни одной ошибки.

По громкой связи нам говорят:

– Солдаты, выходить строго по команде, надев капюшоны и опустив сетку. Двигаться быстро, не создавая толкотни и давки, направиться за инструктором в приемный бункер.

Звучит команда, и мы выходим из самолета, а дальше бежим в сторону бункера, а затем долго идем под землей. Идем и идем, и я понимаю, что наружу мы выйдем ой как не скоро. Не раньше чем через четыре месяца, ведь столько длится обучение. Я попала в одну из тех баз-бункеров, спроектированных еще моим отцом. Ну что ж, папа, спасибо. По крайней мере, ни одна такая база-муравейник не была захвачена.

Нас снова досматривают, просвечивая вещи и пропуская через рамки металлоискателей, говорят снять капюшоны и сканируют лица – все быстро и четко. Оказываюсь за рамкой, и мой браслет вибрирует, высвечивая сообщение: *«Явиться в кабинет -315, время – 15 минут»*. Я подрываюсь и бегу, все новички, кто шел со мной и прошел рамку, тоже начинают бежать, кто-то быстрее и увереннее, кто-то лишь потому, что все бегут.

Найти кабинет – это тоже своего рода задание. Нас проверяют, насколько быстро ориентируемся в незнакомом месте. Я бегу быстрее, обгоняя и лавируя между новобранцами. Здесь у меня есть одно неоспоримое преимущество – я знаю, где это. Я так тщательно изучила все чертежи на чердаке, что точно знаю, где находится -315. «-3» – это этаж, третий сверху, 15 – номер кабинета, нумерация идет слева направо. Я знаю, где находится лестница, и быстро съезжаю по перилам вниз на нужный этаж. Можно так или нет, не знаю, но мне плевать, я должна добраться первой. И я уже вижу нужную мне белоснежную дверь. Здесь все белоснежное: стены, двери, перила. Жму на светящуюся красным кнопку, и дверь отъезжает в сторону, а я обнаруживаю, что это небольшой класс с одиночными партами и доской, вроде тех, что бывают в школе, только окон здесь нет.

Сразу за мной в кабинет влетает рыжеволосая девушка. Мы с ней плюхаемся на стулья и пытаемся отдышаться. Я проверяю браслет, в нем есть еще и часы с будильником. Наш путь занял всего пять минут, мы успели вовремя.

Оля говорит:

– Я увидела, что на твоём браслете то же самое, что и на моем, и решила последовать за тобой. Ты так бежала, будто знала, куда.

– Я не знала, но быстро сориентировалась. Минус – это как на парковке в торговом центре: нужно отсчитывать этаж вниз.

– Класс!

– А что, сообщения у всех разные? – интересуюсь я.

– Подруга рассказывала, что, по идее, нас сейчас соберут группами, теми командами, в которых мы будем обучаться.

– Ясно, – я киваю, и мы замолкаем.

Мы сидим молча, и я снова начинаю нервничать. Кроме личных баллов, мы будем получать баллы и за командную работу. А наша с ней команда явно не торопится к нам. Я встаю со стула, нажимаю кнопку, открываю дверь и выглядываю в коридор. В коридоре полно народу: парни и девушки с белыми повязками снуют туда-сюда, не понимая, куда им надо. Это хорошо, значит, не только наша команда тупит. Возвращаюсь на стул, но не могу просидеть и минуты, снова иду и выглядываю в коридор. Потом снова сажусь и снова выглядываю.

– От того, что ты туда смотришь, никто не придет быстрее.

Оля права. Так быстрее они не придут. Тем временем количество рукавов с белыми полосками становится заметно меньше, и мне приходит идея. Я складываю ладони рупором и кричу что есть мочи:

– 315 кабинет!

Я не жду особого успеха и вздрагиваю от того, что рыжеволосая девушка трогает меня за плечо, выглядывая из-за моей спины в коридор.

– Смотри-ка, тебя услышали, – и показывает в сторону, и я вижу, меня действительно услышали, и к кабинету бегут парни. И, когда они вваливаются к нам, я оцениваю их в качестве рабочих лошадок, способных зарабатывать баллы. Двое из них, в своей голове я называю их «близнецами», хотя вижу, что они вряд ли родственники, но все же очень похожи: коренастые, мускулистые и тяжелые, и они мне уже нравятся. С такими мускулами они должны быть сильными, выносливыми и уметь драться. Два других выглядят слабовато, они тощие и не примечательные. Пока я их рассматриваю, Оля кричит:

– Триста пятнадцать, – ее голос разносится приятным, игривым эхом, так что какой-то парень останавливается и заглядывает к нам:

– Не меня ли ты зовешь, красotka?

Она быстро смеряет его взглядом и морщит аккуратный носик:

– Вряд ли, я ищу кого попроще.

И правда, он высок, хорошо сложен, и в руках кожаная сумка.

– Какая ты дерзкая, красotka, – он выходит и идет дальше, не торопясь, будто здесь уже победитель.

Тем временем в нашем кабинете количество человек увеличивается до четырнадцати. К нам присоединяются еще две девушки. У одной из них узкие глаза и черные волосы, вторая – блондинка с бледной кожей. Обе выглядят старше меня или Оли, какими-то потрепанными. Парни тоже выглядят хилыми, ни мускулов, ни умного взгляда, мне сложно выделить кого-то из них.

Мы с Олей снова выглядываем в коридор и среди снующих туда-сюда ребят, которых осталось совсем немного, видим девушку. Она идет медленно, пошатываясь, держась за стену.

Она совсем тощая, настолько, что узкий военный костюм на ней висит мешком. Под глазами черные тени, а цвет губ сливается с желтоватой кожей.

– О-о, это явно наша, – произносит Оля, и я понимаю, что она права. Так и должна выглядеть девушка на самом дне.

Мы быстро организуем «близнецов», и они бегут за девушкой и заносят ее на руках. Я смотрю на часы – прошло ровно 15 минут, и, похоже, все из нашей группы на месте. Мы уложились, мы молодцы. По идее, за это мы можем получить как личные баллы, так и групповые. Интересно, посмотрят ли они на то, кто пришел первым? В кабинете, кроме первачков никого нет, но, наверное, они будут смотреть запись с камер и по ней ставить оценки, верно?

Мы сидим, переговариваясь и знакомясь, пять минут, десять. Я узнаю, что «близнецы» – участники подпольных боев без правил, и в моих глазах они сразу же вырастают в разы. Бои без правил – какая подготовка к военной службе может быть лучше? Вот кто будет зарабатывать для меня командные баллы. Щуплый на вид мальчишка – Слава – неожиданно оказывается грузчиком, который жил в подвале гипермаркета. На его счет я пока ничего не решаю, выглядит щуплым, но, как грузчик, он должен уметь таскать тяжести и быть выносливым, разве нет?

Две девушки, Сауле и Рая, – проститутки. И я вздрагиваю от того, как они просто об этом говорят. Они живо делятся друг с другом, кто в каком районе работал и сколько клиентов за ночь обслуживал. Не то чтобы я имею по этому поводу какие-то предубеждения, но, не буду скрывать, все же имею, и я придвигаюсь поближе к Оле, которая во всей нашей компании выглядит самой нормальной.

От костлявой девушки сложно чего-то добиться. Мы только выясняем, что ее зовут красивым именем Сюзанна, но в остальном она выглядит не то что плохо, а ужасно, будто сумасшедшая.

Прошло уже больше получаса с тех пор, как мы получили задание найти кабинет, и к нам наконец приходит человек в форме без белой полосы на рукаве. Он командует:

– Смирно, – и мы вытягиваемся по струнке.

Этот мужчина лет сорока пяти с внушительным животом, обтянутым черной формой. На рукаве красная полоска, а в руке планшет. Он представляется:

– Букин, Виталий Викторович, ваш куратор. – Его водянистые глазки бегают по нам, пересчитывая. – Надо же, все в сборе. Быстро, однако.

Он берет планшет и начинает тыкать в него пальцем. Я вдруг понимаю, что он записывает время и по камерам никто смотреть не будет, и решаю внести ясность:

– Но мы пришли не сейчас, а раньше.

– Это без разницы, – он даже не поднимает глаз.

– Но как же, баллы... – начинаю я, но он меня перебивает:

– Баллы? Ты так говоришь, будто эти пару баллов могут что-то решить. Поверь мне, девочка, твоя цель здесь не терять баллы, а зарабатывать оставь для профи. Тебе просто надо пережить четыре месяца. Да, и спрашивай разрешения, прежде чем вопросы задавать.

Его ответ меня не устраивает, но я еще не знаю, как настоять на своем, и пока обдумываю, он начинает озвучивать правила.

– Итак, правила. Значит, так, группа... ваша группа «Ц» состоит из 15 человек. Сейчас вы все тут. Вас отобрали по способностям, и исходя из них вы будете посещать необходимые занятия. Расписание будет приходить на браслет каждое утро. На занятиях необходимо проявлять себя, зарабатывать баллы, – рассказывает он, не отрываясь от планшета. – Баллы можно будет получить как личные, так и командные. Больше баллов – выше шанс, что вас заметят, и вы попадете в элитные группы при распределении и туда, к чему у вас есть способности.

Он что-то пролистывает на планшете и продолжает:

– Баллы начисляются не только за то, как вы научились стрелять и драться, усвоили дисциплины, но и за упорство, умение не сдаваться, работать в команде. Баллы помогают оценить ваш потенциал, чтобы вы могли более эффективно послужить нашей стране... Так-так... это вам не надо... – он снова листает информацию на планшете. – Да, инструкция по базе. Вы, как новички, будете жить на -8 этаже. Я потом комнаты вам пришлю... Внизу, на -12 этаже, столовая. Там же экраны с информацией, баллами, новостями, рядом комнаты отдыха... Так, что-то еще нужно. А больничное крыло, это самое, оно на -1 и -2 справа, найдете там... Подчиняйтесь всем, у кого нет белых полосок на рукавах... Так, еще про полоски: желтая – хозяйственный отдел, красная – снабженцы, зеленая – инструкторы, голубая – медчасть... да, это не надо, – он пролистывает информацию и бубнит дальше, – а-а, черный, это надо сказать, черный – это боевые, они вас касаться не будут, и лучше им не попадайтесь...

Я пытаюсь запомнить информацию.

– Если будут какие-то вопросы, сложности, вы должны сказать мне. Я обычно на минус третьем этаже, ну, или в кухне. Так, еще... Главный здесь Александр Викторович, но общих построений здесь нет, помещение не позволяет, так что вы вряд ли встретитесь. Да и вообще, ваше дело – не терять баллы и не сдохнуть раньше времени. Вот, в общем, и все.

Он заканчивает, и я решаю уточнить.

– Разрешите обратиться? – куратор кивает, и я продолжаю: – А за что могут вычитаться баллы?

– За драки, не выполнение приказа, нарушения комендантского часа... Он, кстати, с 10 вечера до 6 утра.... Особо хулиганистых отправляют в карцер....

Он отвечает лениво, не глядя на нас и собираясь уже уходить, но мне его ответ не кажется достаточным:

– Разрешите уточнить: если у меня, к примеру, просто не получается стрелять, баллы вычитаться не будут?

– Каждую ситуацию мы сейчас разбирать не будем, прочтешь потом в уставе базы.

– А где устав? – Я вижу, как он начинает раздражаться, но ничего не могу с собой поделать, мне нужно знать все.

– В библиотеке.

– А где библиотека? – уточняю я.

– Ты задаешь слишком много вопросов! Я же сказал, где библиотека!

– Про библиотеку вы не говорили...

– Как фамилия? – спрашивает он строго.

– Талинова, после «л» – «и».

– Вот что, Талинова, не открывай рот, когда тебя не просят. Я же сказал: от тебя только и требуется выполнять, что сказали, и все.

Я его не понимаю.

– Но баллы, мне надо зарабатывать баллы...

– Минус пять баллов, Талинова.

Он что-то нажимает на планшете, мой браслет вибрирует, и я вижу сообщение «-5 баллов» и сжимаю челюсти.

– Отлично, вопросов, я гляжу, больше нет.

У меня звенит в ушах от обиды. Это я первая нашла чертов кабинет, я кричала и звала группу, и только я начинаю обучение с минуса!

Браслет снова вибрирует, и я вижу «-802».

– Я прислал вам номера ваших комнат, располагайтесь и отдыхайте, позже пришлю расписание. – И с этими словами он выходит за дверь.

Он выходит, а мы стоим еще не меньше минуты, а затем не охотно тащимся к выходу. Нам только что показали, чего мы стоим, и меня поставили на место.

– Вот же не повезло с этим Колобком! – говорит Оля и берет меня под руку. – Да не переживай ты так, это же только начало.

«Только начало», – повторяю я про себя и слышу в этом другой подтекст: дальше будет еще хуже.

Мы добираемся до своей комнаты и располагаемся. Комната узкая, расположена буквой «П» и рассчитана на пятерых. Стены белые, как и везде на базе, и кровати тоже с белыми крашеными металлическими изголовьями дугой, на каждой – серое невзрачное покрывало и стопка белья. У каждой из нас есть тумба с двумя ящиками для личных вещей, а также общая вешалка и узкий шкаф при входе. Справа от входа есть и другая дверь. Ее тоже можно открыть, нажав на кнопку, и я в нее заглядываю и обнаруживаю две туалетные кабинки, душевые, пару рукомольников и одно небольшое зеркало. Все очень узкое и компактное, но на пятерых не так уж и мало.

Я занимаю третью от двери кровать, расположенную вплотную к стене. Первую занимает Оля, а та, что между нами, достается Сауле. Рая располагается на кровати, стоящей вплотную к моей в ногах, а Сюзанна плюхается на кровать напротив нее.

Мы раскладываем свои вещи по тумбочкам. У меня это увесистый блокнот и набор ручек, маленький тюбик крема, расческа и набор резинок, пижама и сланцы, несколько комплектов белья и с десятков пар носков, а также теплая шаль с кисточками, которую мне зачем-то связала мама. Я открываю свой блокнот и достаю две фотографии. На первой я с большими бантами на голове стою с папой и мамой, держа их за руки. В тот день я шла в первый класс. На второй Снежана и Сашка улыбаются мне до ушей. Тогда, помню, был выходной, и мы ходили в городской парк кататься на аттракционах. Фотографии младших у меня, к сожалению, нет.

Из вещей, которые мне выдали при поступлении: берцы с эластичными шнурками (на удивление, они удобно сидят на моей ноге) и форма. Та, что на мне, с синей прячущей сеткой внутри – особая и, как я понимаю, не повседневная, а лишь для выхода на поверхность. Здесь же я получаю похожую, но она проще, больше похожа на спортивный костюм, хотя в ней тоже присутствует защищающая синяя сетка. Форма состоит из облегающей футболки, обтягивающих штанов и кофты с белой полоской на рукаве. Так же есть и белье: три пары хлопковых трусиков, носки – мне выдали аж две пары черного цвета и неясного размера – на них нет пятки, и со своей маленькой ногой я смогу их натянуть до колен. Небольшой несессер и в нем средства гигиены.

Я все рассматриваю и раскладываю по местам, когда дверь в комнату отъезжает в сторону и громкий голос командует:

– Встать! Смирно!

Мы подпрыгиваем каждая на своей кровати и встаем по стойке смирно. Единственная, кто не встает – Сюзанна, она может лишь сесть.

Зашедших двое: мужчина лет тридцати со строгим лицом, козлиной бородкой и девушка с планшетом в руках. У обоих желтые полосы на рукавах.

Мужчина подходит к первой из нас:

– Фамилия, – резко спрашивает он.

– Швантнова, – столь же резко отвечает Оля.

И он смотрит на нее придиричивым взглядом и, оставшись доволен, командует:

– Свободна.

Наступает очередь Сауле. Он так же спрашивает фамилию и осматривает ее. Следом подходит ко мне, и я вытягиваюсь по струнке, хотя все у меня внутри сжимается.

– Фамилия, – командуют мне.

– Т-талинова, – я отвечаю с заминкой и корю себя за нее.

Он смотрит на меня сверху вниз, чуть дольше, чем на моих соседок, а затем чему-то ухмыляется, и на его лице проскальзывает любопытство, которое тут же исчезает, сменяясь безразличием.

– Свободна.

Я никак не пойму, к чему этот осмотр. И почему он так придиричиво осматривал меня? Он быстро осматривает Раю, просто проскальзывает взглядом, а дальше подходит к Сюзанне. Мужчина бежит глазами по ней туда-сюда, а затем резко дергает за руку, чтобы она встала. Мне хочется сказать, чтобы он был поосторожнее, она явно ослабла, но я молчу. Сопровождавшая его девушка отрывается от планшета, как я понимаю, она вносила данные – распределение нас по кроватям. А мужчина тем временем резким движением закатывает рукава Сюзанне и, осматривая предплечья, цедит:

– Что за хрень? Чертова сука подсунула нам ... – он умолкает, хотя видно, чувства раздрают его изнутри. – Ну я ей устрою! Напиши Букину, чтобы разобрался, проблем быть не должно.

И они разворачиваются и выходят из нашей комнаты. Мне не до конца удастся осознать увиденное, потому что браслет жужжит и приходит расписание. По нему у нас сейчас ужин, и на него отводится всего полчаса. Столовая находится на самом нижнем этаже. Здесь узкие коридоры, и ходить строем совсем не обязательно, поэтому мы идем с Олей и Сауле впереди, а Рая помогает Сюзанне. В столовой, просторном зале со множеством столов и металлических несущих колонн и с низкими давящими потолками, оказываемся одними из первых и находим длинный стол с табличкой «Группа «Ц».

На ужин у нас гречка с котлетой, салат из свеклы и маленькая сдобная булочка с компотом. Осторожно пробую все на вкус и остаюсь довольна. Еда как еда, ничего особенного, вполне съедобно и не такое пластиковое, как рассказывал Костя.

Я ем и разглядываю собравшихся за столом. Они все голодны, как и я, но если я пытаюсь есть осторожно, не торопясь, то они накидываются на еду как дикари, особенно Сюзанна. Она ест прямо руками, низко склоняясь над тарелкой, заталкивает еду в рот, сумасшедше вращая глазами. Мне не по себе, эта девушка меня пугает, я отворачиваюсь от нее и смотрю на Олю. Вот где образец изящества, до которого мне еще расти и расти. Она сидит с прямой спиной, отделяет от котлеты кусочки вилкой и отправляет их в рот. От булочки она не кусает, а левой рукой с аккуратными пальчиками отламывает малюсенькие кусочки, замечает мой взгляд и посылает мне очаровательную улыбку. Что она забыла за этим столом?

Аким, один из так называемых «близнецов», вскрикивает, глядя на нее:

– Да ты чертова аристократка!

Оля смеется и говорит:

– У меня есть выбор: быть аристократкой или дикаркой, и я выбираю то, что мне нравится больше.

Мне этот ответ кажется несколько странным. Выбор здесь, за столом, у нее действительно есть, и, похоже, только в этом. И она выбирает; в такой ситуации она делает свой выбор, а я – свой. Даже оказываясь там, где, казалось бы, у нас нет никакого выбора, он у нас все же есть, и мы его должны делать каждый день. Мы не можем выбирать, что нам есть, но выбираем, как это делать. Мы можем горевать, жаловаться на судьбу, на то, что не можем изменить, а можем этого не делать. Можем принимать, соглашаться и делать жизнь лучше там, где мы находимся, работая в тех условиях, которые у нас есть. Это весьма интересно, я раньше и не думала об этом, а теперь понимаю, что стоит поразмышлять.

О сложности выбора, который делает Оля, я понимаю только поздним вечером, когда она возвращается из хозяйственного отдела, куда ее вызывали, прислав сообщение на браслет.

Сауле не может сдержать любопытство и бросается к Оле:

– Зачем ты ходила? Что они хотели?

Оля отвечает не сразу. Она садится на свою кровать, достает из тумбочки несессер, заглядывает в него, а после только отвечает:

– Ничего особенного, – тянет она, – предлагали поработать, обслуживать здешних командиров...

– В каком смысле? – не понимаю я, а Оля продолжает:

– Взамен предлагали оставить меня в столь хорошем, безопасном месте на все два года.

– Ого! Мне бы так! – восхищается Рая.

Оля встает со своей кровати и направляется в ванную, у двери останавливается и оборачивается к нам:

– А я отказалась. Я хочу рискнуть.

– Но зачем? – удивляется Рая, – не все ли равно?

– Я жила в борделе с тринадцати лет и, если есть шанс превратиться из игрушки в человека, я его использую, – отвечает Оля, и я пытаюсь осознать услышанное, пока она скрывается в ванной. Даже не знаю, что поражает меня больше всего – то, что она жила в борделе (которые, кстати, запрещены, разве нет?) или то, что ей предложили?

Тем временем Сюзанна приходит в движение, она хватается Раю за руку и трясет:

– У тебя есть порошок?

– Отвали, – Рая выдергивает руку, – иди в мед часть, тебе там должны помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.